

Ц. ФРИДЛЯНД

9-е ТЕРМИДОРА

Доклад, читанный на заседании Общества историков 27 января - 3 февраля 1928 г.

Веб-публикация: Ктара (Екатерина Коробко) и редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения ©

Одна из наименее разработанных глав истории Великой французской революции - это последние месяцы накануне 9-го термидора. Мы не хотим сказать, что на эту тему написано мало книг, книг написано очень много, но социально-экономической трактовки, которая бы выяснила нам движущие силы событий поворотного пункта в истории революции, мы до сих пор еще не имеем.

Мы отнюдь не предполагаем выполнить эту задачу в докладе, мы не имеем в виду дать здесь исторический обзор конкретного хода событий во всех деталях, мы хотим только установить основные вопросы и прежде всего установить неизбежность наступления кризиса буржуазной революции конца XVIII в., раскрыть по мере сил и возможностей классовую структуру переворота 9-го термидора и тем самым установить его историческое значение для судеб революции. Совершенно очевидно, что для нас история 9-го термидора не является поводом для вульгарного аналогизирования. Между революцией конца XVIII в. и нашей революцией та же разница, что между эпохой промышленного переворота и эпохой краха капиталистической системы, между пролетариатом и буржуазией. Любители внешнего порядка - устряловцы, меньшевики и троцкисты могут доставлять себе удовольствие забавы этими блестящими стекляшками; наша задача - вскрыть сущность и основу того исторического процесса, который в годы буржуазной революции конца XVIII в. привел Францию к «9-му термидора».

Некоторые историки буржуазии убеждают нас, что наша революция ничего общего не имеет с Великой революцией. Это - предмет особых стараний [А.Олара](#), который упорно убеждает всех, что революция конца XVIII в. была построена на «почве права», а наша революция - на трясине насилия. Он пришел к этому выводу после Октября, после того как обнаружил, что Керенский не Карно, а русский пролетариат и крестьянство «спасают отечество», подавляя буржуазию. Радикалы от новой буржуазии в свою очередь готовы утверждать, что мы повторяем Великую революцию во всех подробностях: мы повторяем ее в нашем интернационализме, который фактически является национализмом, в нашем «пацифизме», который служит лишь прикрытием нашего «революционного милитаризма, а также мечтаем о своем «левом берегу Рейна». Так, Альбер Матьез в 1920 г. В брошюре «Le bolchevisme et le jacobinisme», стоит ли говорить об «упражнениях» наших отечественных историков (Далин), которые в конечном счете сводят всю Революцию XVIII в. к «9-му термидора» и видят в нашей революции только это событие: своеобразный исторический фатализм и мистицизм... Во всех этих попытках аналогий есть один основополагающий порок: авторы их не понимают различия между историческими эпохами.

Пытающиеся аналогизировать, а чаще отождествлять обе революции, исходят из следующей ложной предпосылки: они рассматривают и ту и другую революции как буржуазно-демократические революции. Только при предположении, что революция не социалистическая, а буржуазно-демократическая, может идти речь о подобных «аналогиях»; этого не понимают троцкисты; это и разоблачает их меньшевистскую позицию. Потому наша революция, в отличие от французской революции конца XVIII в., не буржуазно-демократическая, а социалистическая, подобные аналогии не представляют интереса для нас.

Мы можем перейти к теме.

Как ставят обычно вопрос о 9 термидора? До сих пор об этом говорили как о главе из биографии Робеспьера. Для нас же стоит вопрос об углублении и обострении социальных противоречий буржуазной революции 1793-1794 гг. Мы имеем в виду совершенно определенный исторический период - примерно с апреля по июль 1794 г.; подчеркиваем - проявление и обострение противоречий, характерных для буржуазно-демократической революции эпохи домашнего производства. Последнее положение нужно всегда подчеркивать, когда говорят о Великой французской революции; эти противоречия и породили ту личную трагедию Робеспьера, которая представляет столь исключительный и всепоглощающий интерес для буржуазных историков.

Мы не можем здесь конечно дать даже краткого очерка исторического вопроса; мы вынуждены обойти молчанием и работы [A.Matiez](#),² [Ch.H?ricauet](#) и т.д. Все они - как апологетические, так и антиробеспьеристские - исходят из оценки террора как решающей силы событий. «Следует заключить, - пишет Эрико, - что Робеспьер хотел урегулировать террор», - это и было причиной 9 термидора. Буржуазные историки последних десятилетий рассматривают события весны 1794 г. под углом зрения борьбы за власть робеспьеристов и термидорианцев. Об этом пишет [Н.Кареев](#) («Роль парижских секций в перевороте 9 термидора»), в этом смысле высказывается [А.Матьез](#). Последний заявил в статье «Les divisions dans les comit?s de Gouvernement ? la veille du Thermidor: «Кризис, наступивший 9 термидора, вызван был борьбой, в большей степени личной, чем конфликтом программ или партий». В духе указаний Н.Кареева высказывается и [Я.Захер](#), утверждающий, что события пошли бы по иному пути, если бы удалось осуществить программу Сен-Жюста, намеченную им в речи от 26 жерминаля («Сен-Жюст»). Правда в других своих работах он защищает другие взгляды, но это только осложняет задачу критической оценки его взглядов.³ Но судьба революции столь же мало зависела от речи Сен-Жюста, сколько от ссоры последнего с Карно или от примирения Робеспьера и Бурдона. Историки говорят о ливне,

Мы повторяем, нас интересует другое.

Когда началась завязка той исторической драмы, которая разыгралась 9 термидора? А.Матьез считает, и не без оснований, что завязка событий относится к марту 1794 г., т.е. уничтожению фракций - одна из глав этой истории. Нет ни одного исследователя, который бы отрицал, что по крайней мере с мая в рядах очищенного от дантонистов и эбертистов революционного правительства борьба фракций была уже снова в полном разгаре, во всяком случае, в мае созрели все предпосылки для 9 термидора: события июля 1794 г. были совершенно естественным и неизбежным результатом обострения классовых противоречий в рядах якобинского блока. Заслуга А.Матьеза в том, что он указал нам, хотя и по-мелкобуржуазному истолковал, значение для анализа событий так называемых «вантозских декретов» II г. Они безусловно открывают в истории Конвента ту борьбу, которая развернулась в ближайшие месяцы. Как раз в это время, утверждают и современники, произошел раскол между робеспьеристами и той господствующей в Конвенте группой, которая была представлена монтаньярами, будущими термидорианцами. В то время постепенно оформлялись те две силы, мы бы сказали, «два правительства», которые позже вступили в борьбу друг с другом, - правительство Конвента, с одной стороны, и правительство Парижской коммуны - с другой. Борьба шла за Комитеты. Это было повторением того своеобразного двоевластия, которое в июне 1793 г. дало победу Коммуне, а в июле 1794 г. Конвенту и Комитетам. Такова была политическая сторона того социального кризиса, который мы определили бы как столкновение между мелкобуржуазной, густо окрашенной аграрным утопизмом социальной системой Робеспьера и Сен-Жюста, с одной стороны, и капиталистической программой буржуазного авангарда - «термидорианской» (в будущем) коалиции - с другой.

Столкнулись две программы: конечной целью одной было создание эгалитарной республики, где торговля и промышленность играли бы лишь служебную роль, и чисто буржуазным идеалом другой - создание индустриального государства и наилучших условий для капиталистического накопления в стране.

Это не означает, как мы увидим в дальнейшем, что робеспьеристы хотели «уничтожить» торговлю и промышленность, а их враги игнорировали сельское хозяйство, - нет, дело идет о социальной программе требований в политической деятельности каждой из борющихся групп.

Тут не может быть и речи о «перерождении» какой-либо из этих групп за годы революции. Мы не имеем здесь дело с «перерождением» классов, потому что робеспьеристы, стремясь к осуществлению своей системы с весны 1794 г., не изменяли своей классовой природы и своей программы. В июне-августе 1793 г. они выполнили одну часть ее; освободивши революцию от прямой угрозы контрреволюционной опасности, они с весны 1794 г. приступили к исполнению второй части этой программы. В июне 1793 г. якобинцы с корнем вырвали феодальные пережитки в общественном строе Франции, открыв путь для буржуазного развития страны. На их стороне была тогда городская и деревенская демократия, в том числе и основная масса трудового крестьянства; с ними была и часть буржуазии. Благодаря блоку с последней якобинцам, опиравшимся на революционные низы, удалось быстро и решительно изолировать жирондистов и раздавить федерализм.

Таким образом, выполнена была, мы бы сказали, «отрицательная» часть программы, а с весны 1794 г. приступлено к выполнению «положительной» части. И в этой «положительной» программе мелкобуржуазная утопия о возможности перенести центр тяжести социально-экономического развития из города в деревню, идеал эгалитарной республики занимал решающее место. Против этой программы выступил классовый гегемон термидорианской коалиции, та активная часть ее, которая стремилась к возрождению буржуазного общества. Отметим здесь, что робеспьеристы, как и якобинцы, были политическим блоком, и в том и в другом лагере та или другая группа могла не разделять и не разделяла взглядов руководящего ядра, но определяло линию поведения это ядро, что придавало тому и другому блоку классово-выдержанную физиономию.

Кризис 1794 г. ставил вопрос о «перерастании» революции, он выявился в спорах о том, какая положительная программа, т.е. какой общественный порядок должен быть осуществлен. К осуществлению этого порядка можно было приступить немедленно: победы на фронтах, урожай, ликвидация фракций - вся обстановка этому благоприятствовала.

Весною 1794 г. спорной программой революции был эгалитаризм. Речь шла о создании республики «равных товаропроизводителей». Конечно, Робеспьер и Сен-Жюст не стремились ни к «аграрному закону», ни к «коммунизму». Робеспьер считал всегда эти идеи фантазией. Он хотел только сделать «бедность уважаемой». Стремясь к созданию эгалитарной республики, он не посягал на тот принцип, который лежит в основе капиталистического общества, он хотел его «регулировать»; каждый должен был стать собственником, подобно крестьянину, на своем участке земли. Эта программа вызвала оживление и обострение борьбы. Чтобы убедиться в этом мы хотели бы воспользоваться одним историческим документом с нашей точки зрения весьма любопытным не как прямое, а также косвенное доказательство. Мы имеем в виду речь Куртуа - термидорианца - в заседании Конвента от 16 нивоза III г., доклад Конвенту о бумагах, найденных у Робеспьера. В этой речи сформулирована программа и дано объяснение, почему правые термидорианцы выступали против Робеспьера. В конце концов то же повторил позже Лекуантр при обвинении Билло-Варенна и других. Мы имеем здесь совершенно определенное и ясное изложение «положительной» программы французской буржуазии накануне 9 термидора.

Сторонники Робеспьера, говорит Куртуа, хотя «санкюлотизировать все», т.е. превратить в санкюлотов всех французов, даже, если это нужно, за счет общественного блага, «изгоняя отовсюду людей просвещенных, всех, кто владеет хотя бы каким-нибудь добром, отдавая эти места людям без таланта, и без состояния»; робеспьеристы преследовали торговлю и промышленность. «Богатый, - говорили робеспьеристы, - наследственный враг санкюлота». Благодаря Робеспьеру, продолжает Куртуа, закрыты были все живительные каналы промышленности, торговли и продовольствия: он хотел сделать из французов народ волков, которые разрывают себя на части.

Куртуа жалуется на комиссаров, которые уничтожали богатых, в особенности на Сен-Жюста и Лебона. Интересно читать, как друг левой части термидорианцев, которая прославилась своей жестокостью в южных городах Франции, как Куртуа, спекулянт фуражом, товарищ спекулянта Лекуантра, защищает Лион, Бордо и другие торговые города, разоренные его союзниками. Он заявляет: Робеспьер хотел продолжать террор и нивелировать всех на «основах бедности». Если страна голодала, то это потому, что Неподкупный считал торговлю и богатство позором. «Тупоумные кровавые нивелировщики, вы достигнете своей цели только тогда, - читаем мы в его докладе, - если вы порвете торговые связи, если вы похороните под вашими обломками богатство и ремесла, если вы захотите в ваших бредовых аграрных мечтаниях сделать из 25 млн. французов 25 млн. человек, живущих на 40 экю».

Конечно Куртуа, клеветает, к его показаниям следует относиться критически, им не следует доверять, но характерно, что представитель термидорианцев, наиболее активной, классово оформленной группы этой коалиции, так объясняет свою вражду к системе Робеспьера.

Я подчеркиваю ту мысль, что Робеспьер и Сен-Жюст с весны 1794 г. имели в виду осуществление новой системы, программы новой революции. Робеспьер хотел осуществить «une esp?ce de maximum ? la pens?e». Мы увидим потом, предполагали ли робеспьеристы, как утверждали термидорианцы, осуществить свою программу с помощью нового восстания масс, повторением 2 июня, - но ясно одно, это была программа антикапиталистического общественного порядка. Что это так, в этом нас убеждает ряд документов. Приведу здесь один - два примера.

И прежде всего начну с «Фрагментов о системе республиканских учреждений» Сен-Жюста («Fragments sur les Institutions republicaines»), написанных, по-видимому, весной 1794 г.

Пройти мимо этих документов нельзя, они необходимы для понимания борьбы течений в рядах якобинской коалиции о весны 1794 г. Основная мысль «фрагментов»: война кончена, мы должны приступить к строительству, к осуществлению наших идеалов. «Что же мы будем строить? - спрашивает Сен-Жюст. Мы должны устроить систему республиканских учреждений; дело не в конституции, а в создании таких учреждений, которые могли бы обеспечить осуществление эгалитаризма.

Создание гарантий для правительства против развращения народа и гарантий для народа против коррупции со стороны правительства, - такова наша задача. Эти учреждения имеют целью установление общественных и индивидуальных гарантий, для того чтобы избежать раздоров и насилия». «Чтобы установить в обществе превосходство нравственности над превосходством отдельных лиц, необходимо увеличить число учреждений, гарантирующих эту нравственность». Отсюда - необходимость диктатуры, конечно, не личной, как клеветали на триумвират современники и историки-реакционеры.

Задача осуществления новой программы зависела от установления и укрепления революционной диктатуры. Эта мысль руководила «триумвиратом» при издании закона 22 прериаля о беспощадном терроре и при провозглашении культа Верховного существа - во имя осуществления республики «равных товаропроизводителей».

«Чтобы быть счастливыми, надо себя возможно больше изолировать от других государств», - писал автор «фрагментов». Идея Сен-Жюста - «изолированное государство». Правительство блюдет в нем общественные интересы данной нации. В этой республике все должны трудиться. Огромное значение придается упрощенной системе финансов. Обращаем внимание на этот пункт; мы утверждаем, что одним из решающих спорных вопросов между робеспьеристами и термидорианцами было их различное отношение к деятельности комитета финансов и в частности к политике Камбона. Сен-Жюст объясняет нам, какую систему финансов он считает идеальной. Благодаря значительной эмиссии удалось вызвать в годы революции, пишет он, оживление торговли и спекуляции, благодаря эмиссии выросла мощь капиталистов, богачей - основное препятствие для осуществления идеалов эгалитаризма. Нужна такая финансовая политика, которая поставила бы пределы капиталистическому накоплению. Следует принять меры, читаем мы у Сен-Жюста, чтобы установить справедливые повинности для всех доходов и предметов производства и взимать их легко, без многочисленных агентов фиска, уменьшать количество ассигнатов, запретить всем прятать деньги, накапливать их, чтобы жить в праздности, иметь капиталы за границей, знать доходы и расходы каждого гражданина и обеспечить средства существования нуждающимся и тем обеспечить их гражданскую независимость. «Не существует другого налога, чем гражданская обязанность каждого гражданина в возрасте 21 года предоставлять в распоряжение общественного чиновника каждый год десятую часть своего дохода и одну пятнадцатую часть плодов его труда. Практически одно из решающих средств для уменьшения эмиссии - это отказ от максимума. Нужно сказать, что судьба максимума весной 1794 г. была решена. Робеспьер и Сен-Жюст, оба доказывали необходимость отмены максимума и гарантий свободы торговли. Идея максимума родилась не во Франции, «пришла к нам извне», - пишет Сен-Жюст. Подобная формулировка - повторение общераспространенной тогда мысли, что максимум - английская выдумка, от нее необходимо решительно освободиться. Итак, свобода торговли как база эгалитаризма!

Чтобы исправить нравы, необходимо установить соответствие интересов и потребностей, с этой целью «необходимо предоставить хотя бы малый участок земли всем». Только таким образом можно уничтожить нужду... «Там, где имеются исключительно крупные собственники, можно видеть множество бедняков». Необходимо поэтому обеспечить хозяйственную независимость каждого гражданина; уничтожить нищету можно, лишь раздробив по мере возможности национальные земли, необходимо раздать их беднякам. Не может быть народа просвещенного и свободного, кроме народа-земледельца; ремесло не подходит для истинных граждан; руки человека сделаны для работы на земле; никто не должен заниматься перепродажей земель, организацией банков или содержать корабли в иностранных морях.

Так формулирует основные положения своей утопии Сен-Жюст. Завершением всей системы служат у него религия и мораль. Они играли в это время существенную роль, как мы сможем в этом позже убедиться, для философского оформления социальной идеологии и для обоснования мелкобуржуазной утопии. Религия должна была скрепить систему «республиканских учреждений».

«Фрагменты» не случайный документ. «Аграрный уклон» Сен-Жюста относится еще к первым шагам его политической деятельности. Вспомним его первое письмо Робеспьеру в 1790 г. «Почему города должны проглотить преимущество деревень?» - спрашивал Робеспьера в письме Сен-Жюст. Но вот еще один документ, который может служить дополнением к «республиканским фрагментам» Сен-Жюста. Я имею в виду найденный среди бумаг Робеспьера отрывок, набросок программы будущей революции. Мы находим в этом отрывке повторение ряда положений Робеспьера, часто повторяющихся в целом ряде его речей. Что же говорит Робеспьер о задачах своей политики? Основная наша задача - осуществление конституции в интересах народа. Кто наши враги? - порочные люди и богатые; что дает им возможность торжествовать? - непросвещенность санкюлотов. Необходимо просветить народ. Но кто мешает выполнению этой задачи? Журналисты, писатели, эти наиболее опасные враги отечества. Их необходимо предать проскрипции, особенно продажных журналистов. Об этой ненависти Робеспьера к идеологам буржуазного общества речь еще впереди.

«Каковы другие препятствия, - спрашивает дальше Робеспьер, - к установлению свободы в стране? - Внешняя и гражданская война. Каким образом можно добиться прекращения первой? - Поставив республиканских генералов во главе армий и наказав предателей; прекратить гражданскую войну можно, устранив продажных депутатов и предателей-чиновников». Это же под номером «4» значится - «subsistances et lois popularizes» - позаботиться о снабжении населения, о хлебе насущном для тружеников и о законах в интересах народных масс - такова задача Робеспьера. Робеспьер никогда не верил в возможность полного экономического равенства, он клеймил подобные идеи как химеру «аграрного закона». Но он твердо знает, что «внутренняя опасность идет от буржуа; чтобы победить буржуа, необходимо против них объединить народ». Война негоциантам важных городов - таков лозунг политики робеспьеристов, но одновременно это объявление войны буржуазии в целом. Стоит только внимательно прочесть донесения рядовых якобинцев и народных представителей, сторонников Робеспьера из Лиона и Бордо, где они жалуются на попытки буржуазии сделать их своим послушным орудием, донесения, дышащие ненавистью к городской знати, ко всем промышленникам и торговцам, - чтобы лишний раз в этом убедиться. Вот что пишут Леба и Сен-Жюст Робеспьеру из Страсбурга 24 февраля II г.: «Фабриканты не являются патриотами, они не желают трудиться, их приходится принуждать к этому». Но при этом, конечно, оставляя их фабрикантами. И это говорится в то время, когда робеспьеристы преследуют «неистовых» Каррье, Талльена, Фуше и т.д.

Лицо Сен-Жюста решительно обращено к деревне, он часто выступает по социально-экономическим вопросам, но и за рассуждениями Робеспьера о «морали» и «религии» явственно проступают очертания «руссоистского» государства будущего.

Итак, весной сторонники Робеспьера провозгласили свою систему идей как антибуржуазную систему эгалитарной республики, где сельскому хозяйству будет принадлежать преобладание и где будет установлено «равенство собственников». Эта программа была провозглашена как раз в то время, когда мы имели дело с некоторым частичным ослаблением экономического и политического кризиса, который Франция переживала в годы революции.

События весны 94-го года, этих трех-четырёх месяцев, протекали в обстановке побед на внешнем и внутреннем фронтах. Окончательной ли была эта победа? Санкюлонады Барера сменялись осторожными речами Робеспьера и Сен-Жюста, требованиями продолжения чрезвычайного положения со стороны Билло-Варенна. Но они часто менялись своими позициями, и Робеспьер требовал усиления террора, в то время как другие говорили о милосердии. Собственно террор был лишь острым орудием, «аргументом» в руках политических деятелей того времени.

В этом смысле представляет интерес вопрос о *le pas publique*, тех общественных трапезах, которые в то время организовывались на парижских улицах для укрепления братства и примирения граждан богатых и бедных. Буржуазные элементы в рядах якобинцев фактически были руководителями и организаторами этих *le pas*. Правда, члены комитетов относились очень осторожно и даже враждебно к этому начинанию, но наиболее ясное принципиальное обоснование подобной политике дал нам не Барер, несмотря на то, что он произнес в Конвенте по этому поводу громкую речь, а национальный агент при Коммуне, робеспьерист Пейян. Он попытался принципиально обосновать свое отрицательное отношение к подобным трапезам. Трапезы отвлекают массы от борьбы, которая предстоит якобинцам, борьбы в интересах окончательного завершения революции. Барер наоборот обращает внимание на то, что *le pas* отрывают рабочих от труда в мастерских, на мануфактуре и на пашне. Так различно обосновывают два течения свое отношение к вопросу о перспективах дальнейшей гражданской войны. Но одно очевидно для всех - наступил какой-то перелом в революции: необходимо и можно перейти к социальному строительству.

Отметим прежде всего улучшение продовольственного положения страны с апреля 1794 г. Я имею в виду улучшение по сравнению с зимой, вернее частичное ослабление прежнего напряженного состояния в результате урожая и ограничения максимума. Исчерпывающие доказательства этому дал Матьез в книжке «La vie chère», об этом свидетельствует ряд донесений эмиссаров Конвента, начиная с жерминаля. Вот письмо эмиссара Бо: «Нужда не так велика, как ее представляют, от нее страдают только рабочие, богатый земледelec не нуждается ни в чем; еще несколько дней, и народ перестанет страдать, и в деревнях все пойдет хорошо». Это вселяло надежду городскому населению. Изоре пишет 3 флореаля: «...житель деревни живет как зажиточный ремесленник и несет на рынок только свои излишки». Война кончилась, крестьянин явится на рынок со своими продуктами, и город будет спасен. Все это звучит часто как казенный оптимизм, но свидетельствует в то же время об ослаблении напряженного продовольственного положения в стране. Не нужно конечно преувеличивать это явление. С различных сторон поступали жалобы на продовольственную нужду и беспорядки. Мы отмечаем эти два параллельных явления: с одной стороны, некоторое ослабление продовольственного кризиса, а с другой - непрекращающиеся упорные продовольственные бунты: начиная с флореаля, они не прекращались в прериале, мессидоре и даже термидоре II года. Парижская коммуна из заседания в заседание занята этим вопросом. Глава коммуны, робеспьерист Пейян, вынужден был обратиться к народу с требованием бороться со смутьянами, которые своим шумом создают заминки в продовольственном деле. И как это было в июне 1793 г., Коммуна силою разгоняет толпы парижан. Несмотря на уменьшение и ослабление продовольственного кризиса, он не изжит. Страна страдает от голода, вопрос о хлебе является центральной проблемой. Любопытная аргументировка сторонников Робеспьера в Коммуне, ведущих борьбу с продовольственными беспорядками. Когда из различных секций я из провинций приходят жалобы на продовольственную нужду, Пейян отвечает от имени Коммуны: «Народ не занимается продовольственным вопросом. Передайте решение этого вопроса на усмотрение выбранных вами Комитетов и Коммуны». Таким образом, народ отстраняется от решения насущного экономического вопроса, он передается на решение его административных органов; экономические мероприятия должны быть проведены легальными способами. Но народ реагирует на это заявление соответствующим образом: путем возмущений и бунтов он ломает рамки законности.

Ослабление продовольственного кризиса было в значительной степени результатом ослабления максимума. Эта задача была руководящей идеей «третьего периода» в истории максимума (с жерминаля II г.). Об этом говорил Робеспьер в своей речи еще 26 вентоза: «Вот какова была цель наших врагов: разрушая торговлю, они хотели заморить народ голодом и вернуться таким образом к рабству. Они хотели, чтобы нельзя было ни продавать, ни покупать и чтобы таким путем в республике воцарился голод». Максимальные цены были повышены; они определялись теперь накидкой не только на основную цену 1790 г., но и на расходы по транспорту; приняты были меры и для поощрения ввоза продуктов из-за границы за счет вывоза предметов роскоши, отмена реквизиционных зон, особое покровительство розничной торговле, премии купцам за доставку продуктов на рынок по цене максимума, смягчение репрессий и т.д., и т.п. - все это отразилось на состоянии продовольственного дела и поощряло для снабжения городов. Мы в дальнейшем увидим, как разрешали якобинцы вопрос о максимуме политически. Здесь нужно отметить, что экономически он был осужден всеми.

Одновременно следует отметить некоторое оживление промышленной деятельности с весны 1794 г. Мы, конечно, говорим об относительном улучшении и оживлении скорее спекулятивного характера. Просмотрите протоколы Комитета торговли и сельского хозяйства, донесения эмиссаров, бумаги Комитета вооружений, повсюду вы найдете указания на волну петиций и заявлений от промышленников с просьбой оказать им содействие для восстановления их предприятий и открытия новых мануфактур.

Очень большую роль сыграли здесь мероприятия по отмене законов, преследующих производство предметов роскоши. Якобинцы убедительно доказывали, что в национальной промышленности этой индустрии должно быть предоставлено особое место. Разрешен был вывоз предметов роскоши для обмена на нужные Франции предметы первой необходимости, и тем самым был предоставлен выход из экономического тупика южным промышленным городам. Для Лиона, и не для одного Лиона, это было спасением. Этому не мешал эгалитаризм якобинцев: они утверждали, что предметы роскоши предназначены только для иностранцев, товары эти удовлетворяют их развращенные вкусы, но французы будут защищены от их влияния. Однако законодательство военных месяцев, террор в отношении промышленников все еще не был изжит, его предстояло преодолеть в интересах промышленной Франции.

Здесь немалую роль играло, конечно, и оживление производства предметов военного снабжения. В условиях некоторого перелома экономической жизни страны началось оживление рабочего движения. Во всем известной книге Тарле отмечены забастовки этих месяцев в южных провинциальных городах, в частности в Бордо. Но мы имеем теперь ряд новых материалов по этому вопросу. Я укажу хотя бы на большую и интересную работу Ришара «Le Comit? de Salut Purlie et les fabrications de geurre sous la Terreur» (1922), где мы найдем чрезвычайно интересный для нас, марксистов, материал о стачках в предприятиях по выработке вооружений.

С весны 1794 г. мы являемся свидетелями подъема волны забастовок, и Барер в Конвенте и Пейян в Коммуне непрерывно требуют принятия энергичных мер против стачечников. Рабочее законодательство, направленное против рабочих, никогда не было столь активно, как в эти весенние месяцы. Это было время плодотворного буржуазного законодательства и бесплодного социального законодательства.

Вот, например, следующий любопытный факт. В ночь с 15 на 16 вентоза власти секции Неделимости доносят, что на приказе об удлинении рабочего дня, вывешенном у ворот мастерской, найдены пометки против отдельных членов Комитета общественного спасения, - одни из них отмечены красным, другие черным карандашом: «Барер - антропофаг, Линде - обманщик», остальные - воры, грабители и т.д. Робеспьер помечен красным карандашом. Рабочие этой секции были три дня «в состоянии восстания» против Конвента. В дальнейшем движение принимает организованный характер. В жерминале II года рабочие мануфактуры, помещающейся в монастыре бывших капуцинов, отказываются работать с 6 час. утра до 8 час. вечера; они отправили делегатов в Конвент, но двое из них были арестованы. Барер сообщает о стачке на предприятиях по выработке ассигнаций. Комитеты, по словам Барера, вынуждены были принять меры, чтобы обеспечить спокойствие Парижа в день праздника 20 прериаля. Ряд стачек имел место и накануне праздника культа Верховного существа.

Интересным документом является донесение агента Fr?cin? о настроении рабочих мастерской «Единство». Fr?cin? убеждал рабочих: «Вы требуете соблюдения максимума по отношению тому, что вы покупаете, а не хотите соблюсти максимум по отношению к тому, что продаете. Ваша плата есть цена вашего труда, как зерно или ассигнаты, за него заплаченные, - цена труда земледельца». Он требует от рабочих прекращения стачки и подчинения максимуму.

Еще более заметным было забастовочное движение в мессидоре II г. Начальники ряда мастерских жалуются на непослушание рабочих. Рабочие, заявляет один из агентов, - единственные граждане, которые не желают жертвовать собой в интересах отечества «Мы не боимся вам сказать, - продолжает он, - что дух дезорганизации руководит ими; некоторые рабочие, которые при старом режиме довольствовались умеренной платой, жалуются теперь на свое положение с высокомерием, которое обнаруживает, что они участники опасной коалиции...» Отметим также стачки рабочих табачного производства, булочников, портовых рабочих, водников; и наконец движение сельскохозяйственных рабочих, которые испытывали всю тяжесть драконовского рабочего законодательства революции. Нам еще придется вернуться к рабочему законодательству Конвента в другой связи.

Весенние месяцы 1794 г. заполнены шумом рабочего движения; последнее представляет собою в классовой борьбе эпохи термидора фактор не малой важности. При оценке социальной борьбы этих месяцев, когда каждая, из якобинских групп искала себе опору или среди буржуазных элементов или среди трудящихся рабочее движение представляет для нас большой интерес.

Итак, война еще не кончилась, ни война внутренняя, ни война внешняя, но она приближается к концу. Продовольственная нужда несколько смягчилась, но не исчезла, и во весь рост стал вопрос о дальнейшем усилении максимума или об его отмене. Необходимо было позаботиться о дальнейшей судьбе промышленности и торговли. Намечающийся подъем промышленности в связи с подъемом стачечной волны требовал решительных мер: будет ли государственная власть законодательствовать в интересах буржуазного класса или победят представители той политики, которые устами Сен-Жюста говорили об эгалитарном государстве. Не забудем, что летом в 1794 г. во Франции намечался урожай выше обычного. На него возлагали огромные надежды все группы, должен был служить, по общему мнению, выходом из тягчайшего экономического положения страны. Вопросы экономического порядка занимали решающее место, они оттесняли в известном смысле на задний план политические разногласия. Показательно в этом отношении настроение буржуазной Франции. Об этом дает представление следующий исторический документ, который представляет с моей точки зрения значительный интерес. Это письмо Меруза, полицейского офицера в Шербургской армии, Робеспьеру. Он пишет из Гавра в мессидоре II г., что следит внимательно за поведением народных обществ Кальвадоса и Нижней Сены:

«В Кальвадосе, - читаем мы в донесении, - все основано на спекуляции, и накануне победы граждане интересуются, наступит ли завтра мир, так как от него они ждут возвращения громадных доходов. Купец горд, суров к бедным и участвует в дарах, которые требует родина, только из страха, как бы у него не взяли больше. К закону о максимуме там вообще плохо относятся и плохо исполняют его». Один из кальвадосских судовладельцев, читаем мы дальше в донесении, отправил в прошлом году три корабля с балластом в разные страны Европы, один из них вернулся и Брест с дегтем и скипидаром, и его владелец получил при продаже 26000 ливров прибыли на 6000 ливров вложенного им капитала. Хозяин квартиры офицера спекулирует на кофе, перепродавая по 5 ливров 8 су то количество, которое ему стоит 38 су. Ежедневно транспортируют в Париж тюки товаров и складывают их в складах недалеко от столицы для спекуляции. Деревенское население, особенно землевладельцы, относится к декретам об учете зерна как к тирании... «Купцы требуют мира, чтобы стать знатью, и благодаря своим громадным богатствам господствовать над всеми вместо той высокомерной касты, которая была источником всех наших бед». Эту выросшую активность и экономическую мощь буржуазии отмечают в своих донесениях и письмах эmissары Конвента (см. письмо Морт-Фонтена от 10 флореаля).

Активность буржуазии стимулировалась прежде всего фактором объективного значения, я имею в виду падение курса ассигнаций. Курс ассигнатов, который повышался до весны 1794 г. (по сравнению с прошлым), снова падает к июлю месяца. Об этом свидетельствует следующая таблица.

1793 год

август – 22

сентябрь – 27

октябрь – 28

ноябрь - 33

декабрь – 48

1794 год

январь – 40

февраль – 41

март – 36

апрель – 30

май – 34

июнь – 30

июль - 34

Падение курса вызывалось экономическими и политическими причинами. Борьба фракций в этом случае играла конечно менее значительную роль, чем противоречия экономической политики Конвента. Требовалось раз навсегда выйти на определенный путь или последовательной эгалитарной политики или беспрепятственного развития капиталистического хозяйства. Падение ассигнатов было стимулом для спекулятивного подъема, но оно в дальнейшем угрожало неисчислимыми бедствиями: окончательной дезорганизацией хозяйства. Эрико цитирует Toulougeon'a: «Во всех партиях остро ощущается необходимость общественного порядка. Всякая партия понимала, что власть будет принадлежать тому, кто установит этот порядок». И тот факт, что среди сторонников Робеспьера, как и термидорианцев, мы находим почтенных буржуа, что как бы затушевывает классовые отношения при разворачивании событий, не должен нас обманывать. Все это говорит нам только о том, что в рядах отдельных групп буржуазии были значительные колебания, не было уверенности в том, кто из членов **Комитета общественного спасения** выполнит настоящую задачу, установит ничем и никем не стесняемый капиталистический порядок. Ведь даже защищая свои эгалитарные утопии, Робеспьер и Сен-Жюст непрерывно подчеркивали, что они отстаивают принципы частной собственности, ведут борьбу с сторонниками «аграрного закона» и способствуют по мере возможности установлению свободы развития торговли и промышленности.

Попробуем с этой точки зрения проанализировать вентозские декреты, о которых мы выше говорили, декреты, которые были для робеспьеристов началом осуществления их системы. Матьез видит в вентозских декретах начало «социальной революции» и это характерно для мелкобуржуазного историка: а антикапиталистическую утопию он принял за социализм. Он обращает наше внимание на выступление Сен-Жюста. Но конечно надо иметь в виду для понимания социальной сущности этих декретов и выступления Барера. Только при их сопоставлении мы сможем вскрыть классовую природу указанных декретов. 3 вентоза Барер выступал с докладом о новой реформе максимума; основные его положения: «Максимум введен был благодаря интригам врагов, его нужно обезвредить». Благодаря максимуму преследуют людей, занимающихся торговлей, натравливают на них народ и т.п. Мало победить контрреволюцию, надо облегчить положение граждан, способствуя развитию сельского хозяйства, торговли и промышленности, только таким путем Франция избавится от продовольственных беспорядков. Торговцы должны стремиться не к богатству, а к умеренной прибыли. Необходимо приблизить фабрикат и фабриканта к потребителю, а, следовательно, уменьшить роль торговцев; необходимо уничтожить банкиров; внести свет в коммерческую и промышленную тайну и, наконец, примирить народ с предпринимателями путем установления новых таблиц максимума для всей страны, освободить торговлю от местного произвола. Барер предлагает установить максимум путем начисления на цены 1790 г., включая расходы по транспорту. Эта позиция Барера характерна для якобинцев весны 1794 г. Барер принадлежал как раз к тем термидорианцам, которые обладали мудрой государственной способностью служить различным партиям одновременно, сочетать взгляды Робеспьера и Сен-Жюста с заботой о развитии буржуазно-капиталистических отношений. Ослабляя максимум, Барер предлагает нам одновременно сделать его общегосударственным, т.е. по существу усилить его, наладить некую центральную организацию для разрешения продовольственного вопроса. И когда один из выступавших в прениях членов Конвента Ложандр, подобно Бареру будущий термидорианец, подчеркнул: «Вы вводите новые принципы», докладчик поспешил ему ответить: «Мы не декретируем нового принципа, мы принимаем лишь меры предосторожности».

8 вентоза выступил в Конвенте Сен-Жюст. Это происходило еще до отправки Дантона на гильотину; Дантон принимал живое участие в обсуждении речи Сен-Жюста. Последний начал свою речь с утверждений, которые мы находим в «фрагментах»: «Необходимы республиканские учреждения, только ими можно обеспечить счастье народа». Террор является одним из средств, гарантирующих эти учреждения от нападений продажных журналистов, иностранцев и т.п. Сен-Жюст заявлял, что каждый человек имеет право на собственность; только враг отечества лишен этого права. Наделить патриотов собственностью - значит, уничтожить нищету, и Сен-Жюст предлагает принять следующий декрет: каждый обязан отвечать за свое поведение с 1 мая 1789 г.; собственность патриотов священна и неприкосновенна, имущество лиц, признанных врагами революции, секвестрируется в пользу республики и делится поровну между всеми нуждающимися патриотами. Таким образом устанавливается «равенство» всех граждан. Декрет отнимает собственность у одних, чтобы создать собственность для других; он ставит под угрозу тех, кто имеет ее в больших

размерах. Таково содержание проектов об уравнении, о которых мелкобуржуазный радикал Матъез говорит как о начале новой «социальной революции».

Следует обратить внимание еще и на то, что в это время происходила ожесточенная борьба различных групп в самом Комитете, и тотчас за выступлением Сен-Жюста было предложено собранию смягчить суровые меры против спекуляции для охраны, как аргументировал свое предложение Oudot, «полезной и честной торговли» (9 вентоза). Во имя каких принципов? Любопытно, что во имя тех же принципов, о которых говорил Сен-Жюст. Такова была фразеология эпохи.

Когда один из членов Конвента заявил, что следует ограничить прибыль в оптовой торговле, что ее нужно понизить с 5 до 2%, то в ответ раздалась следующая филиппика Барера: мы преследуем только ростовщическую торговлю и решительно возражаем против уничтожения торговли вообще. Он тут же торжественно сообщил о приношении негодянта из Бордо, который пожертвовал республике 1200 ливров: образец «идеального негодянта», союзника якобинцев.

Декрет 13 вентоза в дополнение к докладу Сен-Жюста от 8 вентоза предлагал всем коммуна, в том числе и городам, составить список бедняков для того, чтобы наделить их имуществом казенных контрреволюционеров. Даже Дантон не возражал против этого предложения.

Для понимания социального смысла вентозских декретов представляет большой интерес речь Сен-Жюста от 26 жерминаля о которой говорит Я.Захер, как о программе, осуществление которой могло предотвратить во Франции 9 термидора. Речь шла о подчинении полиции Комитету общественного спасения, об ее изъятии из рук деятелей Комитета общественной безопасности под предлогом лучшей ее организации. Политический смысл этого предложения сводится к попытке робеспьеристов прибрать органы революционной диктатуры в свои руки и противопоставить комитетам, В этой же речи наряду с указанием на необходимость «уравнения собственников» вы найдете жалобы на падение курса ассигнаций, на существующие затруднения для бедняков приобретать национальные земли, указания на то, что богачи реализовали все свое имущество, вывезли свои товары за границу, в то же время осуждение Эбера, нагоняющего страх на торговцев и виновного в голоде и дороговизне. Необходимо, заявлял Сен-Жюст, создать республику, где все были бы братьями, необходимо восстановить гражданское доверие, революционное правительство должно стать опорой для перехода к новому строю, оно должно позаботиться о развитии торговли и промышленности; предпринимателям-патриотам должны быть предоставлены кредиты. У граждан нет средств, - вот основное зло. Поведением граждан должно руководить не l'esprit, а conscience. Соответственные пункты декрета, последовавшего за этим докладом, предполагают разработать меры, гарантирующие безопасность и кредиты торговцам и промышленникам.

Конечно, если бы удалось осуществить буржуазную часть программы, удалось бы избежать 9 термидора, но последнее событие имело место потому, что наряду с этим в речи 26 жерминаля есть то, что мы находим и в вентозских декретах - мелкобуржуазная утопия эгалитаризма. Проповедуя его, робеспьеристы все же не были свободны от страха, что их обвинят в попытках нивелировать (см. письмо О.Робеспьера брату из Коммюн-Рифранши 3 вентоза).

Но вентозские декреты были делом предшествующего периода, послесловием борьбы с фракциями; это было социальной платформой «Триумvirата». Их враги всеми силами саботировали осуществление этих декретов.

В последующий период внутренние противоречия якобинской политики выступили еще более отчетливо. Мы сможем их проследить при анализе деятельности комитетов (торговли, сельского хозяйства и т.д.) и законодательства Конвента. Здесь прежде всего выступают перед нами противоречия принципов его аграрной политики и торгово-промышленного законодательства. Если в последней области восторжествовали принципы буржуазно-капиталистического общества, то в деревенской политике наряду с этим решительно проявлялись и преобладали эгалитарные устремления. Весной 1794 г. Конвент поощрял стремления тех членов Комитета общественного спасения, которые держали курс на «республику земледельцев», где земельная собственность станет достоянием всех и тем самым исчезнет нищета. Подобные противоречивые тенденции экономического законодательства не могли не прийти в столкновение друг с другом, тем более что землевладельцы стремились к расширению рыночных отношений как базы для развития буржуазного общества. Эгалитаризм в области аграрных отношений был вдвойне реакционной утопией: он жертвовал интересами города и был препятствием для развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Попробуем дать здесь краткую характеристику экономического законодательства Конвента и комитетов по отдельным отраслям. Начнем с сельского хозяйства.

Комитет сельского хозяйства и торговли приобрел в то время очень большое значение, и его протоколы, несмотря на то, что до нас дошли лишь краткие записи заседаний, являются одним из основных исторических документов. 22 апреля (3 флореаля) выступил в Конвенте Изоре с большим докладом о принципах сельскохозяйственной политики; мы подчеркиваем - с апреля 1794 г. вопросы земледелия и аграрной политики заполняют заседания Конвента, им уделяют якобинцы исключительно много внимания, но вопросы эти до сих пор занимают историков меньше, чем политические разногласия и личная борьба в рядах монтаньяров.

Изоре считает нужным заявить в своем докладе, что в интересах общества надо чаще и больше уделять внимания сельскому хозяйству. Повсюду господствует эгоизм, повсюду господствует любовь к новшествам, только крестьянство стойко в своих традициях. Это может не нравиться экономистам, но в этом немало положительного. Изоре хвалит консерватизм крестьян. Его главные удары направлены на крупных собственников. Кто для него является идеалом крестьянина? Тот, кто не стремится к богатству, кто отличается скромностью, сам стоит у плуга, кто не развращен ни претенциозностью, ни праздностью, словом, кто в своем хозяйстве идет по давно установленным путям, не доверяет новшествам богатых; надо думать, что похвала крестьянскому консерватизму означает похвалу технической рутине сельского хозяйства. Изоре отмечает что там, где широко развиты пастбища, там процветает и земледелие, но развитие пастбищ не должно идти в ущерб пашне. «Между земледельцами с одним арпаном земли и с шестью или восемьюстами арпанами земли есть середина примерно в 300 арпанов на 4 плуга». Это предел, отделяющий нищету от богатства это идеал, потому что «середняк» сможет воспитать семью в добрых принципах, потому что он, как и его дети, не мечтает о том, чтобы уйти в город, не завидует роскоши. Дети подобного земледельца интересуются только тем, чем интересовались отец и дед, стремятся только к улучшению своего хозяйства; женщина всегда послушна в подобной семье и т.д. Следует всех наделить землей; надо помочь тем семействам, которые не могут собрать со своих участков в восьми квинталах зерна; государство должно им помочь докупить землю, им нужно предоставить ряд льгот для приобретения земли. Так, участок в 1500 ливров они смогут оплатить в продолжение 15 лет, сделав первый взнос через пять лет. Изоре приветствует тот факт, что благодаря революции крестьянин вывозит на рынки лишь излишки для продажи, обеспечив прежде всего себя и свою семью. Таков идеал крестьянина, героя значительной части якобинцев. В этом докладе явственно выступает тот факт, что «аграрный эгалитаризм» весны 1794 г. ничего общего не имел с «аграрным законом». Это было своеобразной программой укрепления и максимального расширения института независимой «равной собственности» среди французского сельского населения против ферм безземелья.⁴

Мы не можем здесь анализировать ряда других подобных докладов в Конвенте, но можем заняться подробным анализом протоколов Комитета сельского хозяйства; можно было бы, скажем, еще сослаться на доклад Комитета в Конвенте от 7 флореаля, в котором шла речь о мерах подъема сельского хозяйства, «обедневшего за годы революции, в то время как города разбогатели», и на доклад Eschasseriaux об осушке болот от 12 прериала. Анализ последнего дает нам немало для установления борьбы противоречивых начал в экономической политике революционного правительства - капиталистически оформленной буржуазной идеологии и исторически реакционной мелкобуржуазной утопии. В основе доклада и принятого декрета от 12 прериала лежит оправдание того принципа, что государство имеет право взять на себя исполнение тех общественных работ, которые не в силах выполнить отдельный гражданин. Но земля эта тотчас после осушки должна быть распродана по мелким участкам. Государство берет на себя гарантию имущества «равных» и мелких товаропроизводителей. Крупное хозяйство, по мнению законодателя, противоречит по существу намеченным принципам сельскохозяйственной политики.

Мы не можем пройти мимо декрета о средствах уничтожения нищеты и помощи беднякам со стороны республики. Докладчиком по этому вопросу выступал в Конвенте Барер (22 флореаля II г.). Интересно сопоставить его доклад с вентозскими декретами. Если вентозские декреты Сен-Жюста должны были создать основы нового общественного строя, то декрет 22 флореаля о помощи беднякам представлял собою ту же программу, истолкованную и несколько ином направлении. Эта разница в трактовке вопроса представляет для нас значительный интерес. Декрет 22 флореаля освещает нам сокровенные мысли законодателей. То было время, когда влияние Робеспьера в Комитете общественного спасения было, - так обычно принято утверждать - безраздельным, и мудрый Барер выступал еще в роли законодателя правящей партии. «Нищета, - заявлял он, - позор республики и правительства: она должна быть уничтожена. Недостаточно было уничтожить фракции, недостаточно преследовать богатство и торговлю, уничтожить большие состояния, изгнать иностранцев, необходимо уничтожить рабство, нищету, ужасное неравенство среди людей. Конвент должен наметить средства борьбы с нищетой». Для этого необходимо прежде всего выяснить число нуждающихся. Бедняки делятся на три группы: 1) нищие, 2) немощные и 3) многосемейные. Помощь в первую очередь должна быть предоставлена тем, кто достиг 60-летнего возраста и работал в сельском хозяйстве 20 лет. Докладчик резко и решительно подчеркнул, что речь идет исключительно о помощи деревне.

Барер считает это само собою разумеющимся. «Если сельское хозяйство, - читаем мы во II разделе декрета по его докладу, - первое и единственное богатство государства, если реальная власть и сила принадлежат народам сельскохозяйственным, если территория хорошо обработанная, хорошо населенная, означает счастье людей и просвещение, если французская республика должна создать свою независимость на плуге и его продукции, то следует прежде всего оказать помощь и покровительство земледельцам. В городах ремесленников есть достаточно средств для спасения от нищеты, а в деревнях беднякам никто не помогает. Даже ремесленники страдают в городах меньше, чем в деревнях, и если уже нужно помогать ремесленникам, то только деревенским, живущим вне городов». Вентозские декреты полагают оказать помощь всем коммунаам, предлагают всем составить списки нуждающихся, декрет флореаля имеет в виду исключительно деревенские коммунаы... Лишь позже был издан дополнительный декрет об учете бедняков по городским коммунаам и об оказании им помощи. Но это делалось в порядке второстепенных мероприятий. Внимание якобинцев в основном было направлено в сторону деревни, он придавали городам меньше значения. Это было подчеркнуто при установлении размеров помощи: на ремесленника рассчитано было по 120 ливров, а на земледельца по 160 ливров.

Бесспорно значительную роль при выяснении мотивов крестьянского законодательства Конвента с весны 1794 г. следует приписать урожаю, но было бы легкомысленно свести к перспективам благоприятного урожая все объяснения сложного клубе социально-политических противоречий 1794 г. Марксисты-историки до сих пор не обратили внимания на следующее замечательное место у Ленина, которое характеризует аграрные проекты Конвента весны 1794 г. Говоря об отношении к среднему крестьянству, Ленин 23 марта 1919 г. отмечал: «Мы подошли вплотную к этой разнице, которая так характерна для Великой французской революции, когда французский Конвент размахивался широкими предприятиями, а для проведения их не имел должной опоры, не знал даже, на какой класс надо опираться для проведения той или иной меры» («О работе в деревне»).

Кто побеждал во Франции еще до 9-го термидора? На вопрос этот можно было бы ответить, если бы нам удалось выяснить, как шло перемещение собственности в стране и особенно в сельском хозяйстве. Вместе с уничтожением феодальных пережитков во Франции шло бурное формирование нового класса земельных собственников. Конвент более успешно, чем все предшествующие национальные собрания, насаждал этот новый социальный слой. Достаточно сравнить обе революции - конца XVIII в. и Октябрьскую революцию - хотя бы в этом вопросе, чтобы отказаться от легкомысленных аналогий. К сожалению, однако, для выяснения вопроса о перемещении собственности во Франции в годы революции у нас слишком мало данных. Огромный интерес представляет вопрос о распродаже национальных имуществ, но в нашем распоряжении имеются лишь приблизительные данные по отдельным областям, полученные в результате весьма долгой и кропотливой работы, но категорических общих выводов сделать до сих пор еще нельзя. С полной определенностью можно сказать только следующее: в целом ряде округов, дистриктов и коммун шла ожесточенная борьба между двумя точками зрения: за распродажу национальных земель крупными или мелкими участками. Казалось, вопрос был давно решен Конвентом, но весной 1794 г. он снова встал во весь свой рост. В якобинском клубе вопрос этот обсуждался еще 17 флореаля. Члены клуба «земледельцы» Изоре, Duquesnou выступили с заявлениями о том, что на местах процветает продажа национальных земель крупными участками. В том же заседании Кутон, Колло д'Эрбуа, Duquesnou возражали против подобной политики, доказывая, что надо продавать землю мелкими участками. Duquesnou [Дюкенуа] утверждал даже, что он как земледелец знает, что 300 арпанов земли, а тем более 500, 1300 или 1800 арпанов, которыми владеют многие собственники, не являются достоянием крестьян-тружеников. Колло д'Эрбуа в речи, встретившей горячий прием, требовал увеличения числа земельных собственников; Изоре доказывал, что следует разрешить мелким покупателям земли сделать свои взносы через год или два. Вопрос этот неоднократно обсуждался и в Конвенте. Так называемый «Комитет депеш», комитет информации, неоднократно сообщал пленуму Конвента о получении петиций из деревень, где жалуются на притязания крупных землевладельцев, городских буржуа, на то, что организуемая администрацией продажа земель часто покровительствует крупным собственникам, что так называемые банды перекупщиков национальных имуществ в связи с перспективами урожая проявляют особую активность.

Как же в самом деле обстояло дело с распродажей земли весной 1794 г.? Вопрос этот не исследован. Мы блуждаем еще в этом основном экономическом вопросе революции в потомках. Но в противовес тому, что пишет Марион («La vente des biens nationaux pendant la révolution...») о падении числа покупок земель богатыми гражданами весной 1794 г., о невыгодных условиях распродажи земель, мы думаем, что падение курса ассигнаций, ослабление максимума, забота о промышленности и торговле, всяческое поощрение земледелия - все эти причины при тех неблагоприятных с точки зрения буржуазии условиях революционного террора способствовали распродаже национальных земель. Об этом говорят цифры, торжественно провозглашаемые ежедневно трибуны Конвента. Кто приобретал эту землю? Вот один - два примера. В вентозе II года продано 177 участков земли в дистрикте Тибури. Земли эти приобрели 164 человека, из них 84 буржуа, остальные - местные земледельцы и ремесленники. В общине Regueu в мессидоре продано 42 участка 21 покупателю, из них только четыре санкюлота. Земля продается дорого объявленная цена всегда значительно выше номинала. Процесс образования класса крупных буржуа-землевладельцев шел быстрым темпом, а спекуляция землей не прекратилась и весной 1794 г. Это было особенно заметно при распродаже национальных земель вокруг торговых и промышленных центров (скажем - около Бордо). Один из национальных агентов из дистрикта Кадильяк в своем донесении Комитету общественного спасения объясняет нам, почему земля не попадает в руки неимущего сельского населения (флореаль II года): «Невозможно, - пишет он, - чтобы бедняк был собственником»; ему нечем заплатить первый взнос при покупке земли, он не может, как правило, приобрести далеко отстоящий от его хижины участок земли, ему мешают сложные формальности, установленные при распродаже земель, наконец - и это имеет решающее значение - оценка участков земли излишне высока. А ведь Конвент гордился высокой оценкой земли и стремился систематически повышать цены на землю, так как в конце концов это была для правительства выгодная финансовая операция, несмотря на все «эгалитарные утопии». Распределение, земель шло в направлении, противоположном тем социальным проектам, которые выдвигал и Сен-Жюст, и Робеспьер.

Но реальным дополнением к эгалитарной утопии служило, законодательство о сельскохозяйственных рабочих. Это было кабальным законодательством в интересах землевладельцев, что было гарантией капиталистического развития сельского хозяйства, но что нередко прикрывали интересами «общественного спасения», необходимостью реализовать урожай. Мы не будем останавливаться на характеристике этого законодательства. Отметим только, что декрет от 9 июля 1794 г. об освобождении из тюрем земледельцев, поденщиков, жнецов, ремесленников, мастеровых деревень в тех городах, население которых не превышает 1200 человек, следует толковать не как уступку трудящимся, а как заботу о землевладельцах, как особую уступку экономическим интересам имущих классов республики.

Перейдем к характеристике экономической политики Конвента в области промышленности. В отличие от сельского хозяйства, где тенденции эгалитаризма проявились с достаточной силой, промышленная политика Конвента преследовала по существу лишь одну цель - обеспечить по возможности беспрепятственное развитие капиталистической индустрии, быстрое накопление капиталов, воскрешение предприятий, разрушенных войною и революцией.

Несколько примеров. Комитет общественного спасения запрашивает у Комитета торговли и сельского хозяйства, который одновременно ведает и вопросами промышленности, 23 жерминаля II г. его мнение о средствах воскресить хозяйство страны и в частности его мнение по вопросу об установлении премий для новых технических изобретений. Гаусман от имени Комитета отвечает: «Прежде всего восстановите доверие». Это требование имело конечно определенное экономическое и политическое значение.

Со всех сторон поступают десятки петиций о субсидиях и льготах для организации предприятий. Так, 27 флореаля граждане Перье и Молльен, владельцы бумагопрядильни, просят разрешения свободно закупать сырье; 17 прериала нантские негоданты настаивают на отмене максимума на колониальное сырье и т.д., и т.п. Комитет относится сочувственно к этим требованиям «во имя развития национальной промышленности». Во имя тих принципов, скажем, эмиссары из Лиможа в жерминале заступаются за арестованных негодантов. Можно было бы увеличить число примеров во много раз, но, к сожалению, из-за недостатка времени мы лишены возможности это сделать.

Во весь рост в это время стал вопрос о восстановлении Лиона и других южных городов Франции, пострадавших в годы гражданской войны. В заседании 26 плювиоза было решено добиться воссоздания отраслей старого «национального» производства, чтобы нанести смертельный удар иностранной конкуренции. Вопрос этот стал предметом серьезных обсуждений Комитета в заседании от 2 мессидора под председательством Villers'a. Комитет приглашал граждан Лиона спокойно возобновить занятия, восстановить старое производство, памятуя, что эгоизм и погоня за богатством не приличествуют республиканцам. Для восстановления нормального хода производства правительство готово было пойти на любые жертвы; оно попыталось раз навсегда разъяснить, что свобода - душа торговли и без нее существовать не может; ставить препятствия индустрии - это значит извращать истинные принципы. Комитет считал нужным подчеркнуть, что производство предметов роскоши отнюдь не вредная с точки зрения интересов отечества отрасль хозяйства, но это производство должно - о чем речь шла еще в плювиозе II года - в первую очередь удовлетворять аристократические страсти окружающих народов.

Эта мысль становится руководящей в жерминале II г. Борьба против ограничений торговли и промышленности в тех отраслях хозяйства, которые по широко распространенному убеждению якобинцев «развращают нравы», попытка построить на них с весны 1794 г. экспорт Франции чрезвычайно характерны для торжества капиталистических тенденций экономической политики революционного правительства Франции еще до 9-го термидора, как обратная сторона «эгалитарных проектов» того же правительства. Еще один-два примера. 2-го термидора комитет обсуждал вопрос о восстановлении мануфактуры в Бове. Докладчик убеждал присутствующих, что в развале мануфактуры повинны фейяны, роландисты, эбертисты, между прочим, и потому, что все они демагогически заигрывают с рабочими. Спасение для мануфактуры в предоставлении ее владельцам права свободно устанавливать число и заработную плату рабочих. Вот дело Гофмана, владелец крупного предприятия по производству марены. Он обжаловал решение Комитета и требует ряда льгот для своего дела у Конвента. Конвент вынужден отклонить его наглые притязания, в продолжение значительной части заседания 18 мессидора подробно и страстно обсуждает его запрос. Это наилучшим образом иллюстрирует нашу мысль о росте с весны 1794 г. притязаний капиталистической буржуазии.

Несколько замечаний по вопросу о развитии торговли с весны 1794 г. Конвент и Комитет торговли и сельского хозяйства обстоятельно и часто обсуждают вопрос о мерах оживления торговой деятельности в стране. В области внутренней торговли отметили мероприятия по восстановлению внутренних путей сообщения, по возрождению ярмарок (см. обращение общины Бокер к Парижской коммуне от 4 прериала). Много уделяется внимания развитию морской торговли, навигации в Средиземном море, обслуживание Италии и Леванта считается естественным призванием Франции. Снова всплыл вопрос о навигационном акте и во всех речах звучит основной лейтмотив: борьба с торговой гегемонией Англии. Послушаем только «санкюлотиды» Барера о победах французского флота, который разрушает торговую и морскую гегемонию Британии; вспомним его замечательную речь от 7 прериала: она полна ненависти к государству Питта, этому банкиру мировой контрреволюции. «Британские спекулянты, - гремел с трибуны Конвента Барер, - торговцы изменой и рабами, банкиры преступлений и контрреволюций; мы презираем тиранов, мы питаем отвращение к вам. Ненависть Рима к Карфагену живет в душах французов, как пуническое бешенство в сердцах Англии». «Между Дувром и Кале вырыта пропасть, - продолжал он, - мы воспитаем молодежь в духе ненависти к англичанам».

Не характерна ли для внутренне противоречивой эгалитарной утопии победа принципов буржуазной политики в вопросах внешней торговли, возрождение у подавляющего большинства членов Конвента с весны 1794 г. стремлений к жирондистской программе войны? «Война питает войну» - такова новая программа внешней политики, которую провозглашают в Конvente якобинцы-победители. Когда был взят Остенде, Барер заявил, что значение занятого войсками революции пункта в том, что этот порт - ключ к владениям Англии; Камбон 3 термидора торжествуя заявлял: мы раньше дали Бельгии 35 млн. ливров деньгами, мы получили пока в счет этой суммы только 500 тыс. ливров. Так интересы капиталистического хозяйства становились руководящими в политике революционного правительства еще до 9-го термидора.

А Робеспьер в это время стремился к миру, к миру, завершающему битвы и победы революции. В 1794 г. ему были чужды завоевательные устремления буржуазии, он в этом вопросе симпатизировал пацифизму крестьянской и городской демократии, для которых война была лишь тяжелой задачей обороны революции. В вопросах войны и мира разногласия Робеспьера и правого крыла якобинцев были естественным продолжением споров мелкой и торгово-промышленной буржуазии по общим вопросам социально-экономической политики революции 1792-1794 гг. Напомним, что в свое время Ф.Энгельс (в письме к В.Адлеру) отмечал решающее значение вопросов внешней политики в истории переворота 9-го термидора.

Мы выше отмечали особенности продовольственного положения страны в апреле - июле 1794 г. Отношение Робеспьера к максимуму наилучшим образом выявляет внутреннюю противоречивость его взглядов. Он строил свою республику «равных собственников на базе свободной торговли, а следовательно на базе расширения товарного хозяйства. Уже в вентозе II г. О.Робеспьер писал Комитету общественного спасения о том, что он всеми способами «воспрепятствовал разговорам с народом о продовольствии...» Робеспьер-младший настаивает на уничтожении ограничений свободного обмена между коммунами. Решительно ратовал за принципами Огюстена Робеспьера Пейян в Парижской Коммуне. Но тактика «молчания» не помогала. Со всех сторон требовали отмены максимума, ослабления мероприятий против его нарушителей; число нарушений максимума росло изо дня в день. Что следует предпринять? Отменить ли максимум или по совету Бюиссара, друга Робеспьера (письмо от 17 плювиоза), передать торговлю в руки коммун, т. е. осуществить муниципализацию торговли. Третий максимум не означал перехода к новой системе общественного регулирования продовольственного дела. Подобная роль не была главной задачей и центральной продовольственной комиссии, как это великолепно показал Карон в предисловии ко 2-му тому документов «Продовольственной кампании». Централизация продовольственного дела преследовала лишь одну цель: избавить страну от произвола таксаторов на местах. Об этом говорил и Робеспьер 8-го термидора: «Контрреволюцией пропитаны все области нашего хозяйства. Заговорщики против нашей воли принудили нас к крайним мерам, которые стали необходимыми только из-за совершенных ими же преступлений. Они довели республику до ужасной скупости всех продуктов и уморили бы ее голодом, если б не ряд совершенно неожиданных обстоятельств. Теперешняя система максимума - это дело рук иностранцев, которые предложили ее при помощи продажного Шабо, Моллье, Эбера и множества других изменников. Теперь надо напрячь все усилия для того, чтобы восстановить в республике обычные порядки мирного времени, ибо только они могут вернуть изобилие; между тем эта работа еще не началась...» Конечно, Робеспьер не желал реставрации «мирного порядка», старого режима: он приступал к строительству нового общества, где буржуа исчезнет, но торговля будет процветать в интересах трудового крестьянства городских ремесленников.

Под этим углом зрения следует также рассматривать вопрос о роспуске революционной армии. Эта армия была острым орудием в руках якобинцев городской Франции для борьбы с «эгоизмом деревни». Уже 16 жерминаля Огюстен писал брату, что эта армия - зло, что она «изолирована от общественных сил и опасна по своему составу». Революционная армия должна была исчезнуть в эпоху осуществления эгалитаризма в интересах крестьянской Франции, тем более что новая революция должна была по Робеспьеру совершиться мирным, парламентским путем, без революционной инициативы низов.

В области финансов противоречия социально-экономической политики якобинцев проявились с особой остротой. Буржуазные историки восторгаются финансовой политикой Камбона. Он в самом деле принимал героические меры для восстановления курса ассигнатов и централизации финансового дела. Особенно большое значение имела в этом смысле всеобщая конверсия государственных обязательств и создание Большой Книги Государственного Долга. Но мероприятия Камбона были чрезвычайно широки по своему размаху, они захватили все виды собственности; они ударяли по крупным финансистам и мелким рантье, и прежде всего по интересам торгово-промышленной Франции. Тогда-то противоречия между задачами буржуазного развития и эгалитарной, утопией выступили наружу с особой остротой. Финансовые проекты Камбона взбудоражили всех в жерминале, особенно в прериале, и вплоть до событий термидора занимали умы огромной массы городских мелких собственников не в меньшей степени, чем декрет о культе Верховного существа и закон 22 прериала. Удивительное дело - консерватизм человеческой мысли! Марксисты-историки десятки раз читали протоколы заседаний Конвента весенних месяцев 1794 г., но почему-то проходили мимо такого мероприятия Камбона, как конверсия пожизненной ренты, которое возбудило огромное недовольство и серьезное движение в стране.

Об этом свидетельствует то, что Конвенту приходилось возвращаться к обсуждению этих мероприятий неоднократно; Барер вынужден был выступить 24 прериала со специальной речью для того, чтобы успокоить владельцев пожизненной ренты. Вопрос этот всплыл во весь рост даже на трагичном заседании Конвента 8-го термидора. Робеспьер несколько раз возвращается к этому вопросу и в своей последней речи.

Вспомним заседание 8-го термидора - фактически последнее заседание Конвента накануне гибели Робеспьера. Что происходило в Конвенте? После речи Робеспьера на трибуну поднимается Камбон, уполномоченный по финансам, и заявляет: «Робеспьер сказал, что последний декрет о финансах имел своей задачей увеличить недовольных, и этот декрет будто бы разоряет бедняков и служит интересам богачей. Это неправда, это ложь!» Последний декрет о пожизненной ренте особенно внимательно относится к владельцам ренты от 1500 до 10500 ливров, соответственно их возрасту. «Давно пора, чтобы тот единственный человек, который не послушен воле Национального конвента, был сметен». Этот человек - М.Робеспьер. Камбон связывает таким образом вопрос о борьбе с Робеспьером со спорными вопросами финансовой политики. Последний поспешил ответить Камбону: «Я никогда не вмешивался в эти дела. Но поскольку можно судить по результатам мероприятий Камбона на основании общих принципов, его деятельность не

деятельность не столь полезна, как он думает; политика Камбона сводится к грабежу бедных граждан». Нельзя, однако, предположить, что Робеспьер забыл то, что он говорил в своей речи 8-го термидора в Конвенте и якобинском клубе.

Вот несколько мест из этой речи, посвященных спорам по финансовому вопросу: «Разрушительные финансовые проекты угрожают всем умеренным состояниям и вносят отчаяние в бесконечное множество семейств, привязанных к революции». Робеспьер перечисляет все преступления врагов народа и снова возвращается к этому вопросу: «В последнее время предлагали финансовые проекты, которые, мне кажется, рассчитаны на то, чтобы ограничить менее состоятельных граждан и чтобы увеличить число недовольных». Дальше: «В чьих руках находится в настоящее время армия, финансы и внутренняя администрация республики? В руках коалиции, которая меня преследует. Все друзья принципов - без влияния; наше внутреннее положение критическое, необходимо создать справедливую систему финансов; та, которая господствует в настоящее время, жадна, расточительна, мучительна и люта, она по существу своему абсолютно независима от вашего надзора». И, наконец: контрреволюция гнездится в администрации финансов; она основывается на целой системе контрреволюционных новшеств, преподносимых под видом крайнего патриотизма. Ее цель - покровительство ажиотажу, подрыв общественного кредита, обеспечение французской добросовестности, покровительство богатым кредиторам и разорение, чтобы повергнуть в отчаяние бедняка, увеличить число недовольных, отнять у народа национальные имущества, чтобы таким образом довести его до разорения... «Кто стоит во главе наших финансов? - спрашивает Робеспьер. - Бриссотинцы, фейяны, аристократы, общественные мошенники: эти Камбоны, Деларме, Рамелы, сотоварищи и последователи Шабо, Фабра, Жюльена из Тулузы». Робеспьер отмечает, что руководители финансовой контрреволюции стараются привлечь на сторону Комитет общественного спасения, который привык доверять Камбону. Во главе государственного казначейства, поставлен контрреволюционер Lhermin?, который способствует осуществлению коварных планов заговорщиков, отказываясь по формальным причинам удовлетворять срочные расходы. Он помогал лишь аристократам, изводя малосостоятельных граждан отказами и отсрочками, а часто и злостной провокацией...» Мы не исчерпываем этим всех указаний Робеспьера, но и всего того, что мы анализировали выше, достаточно, чтобы признать существование глубоких расхождений по вопросам экономической политики, которые разделяли якобинцев накануне 9 термидора. Робеспьер выступает на защиту мелких рантье, мелких собственников, всех, кто не может приобрести с торгов национальные земли, против финансистов, крупных рантье, против финансовой политики буржуазного государства в целом, политики, которая покровительствует накоплению капиталов и жертвует «мелким людом». Но и Камбон, как мы видели, считает себя «защитником бедняков».

Мы вкратце теперь остановимся на вопросе о консолидации пожизненной ренты.

Консолидация государственного долга и превращение его в 5%-ный (из 10%-ного) вносили резкое изменение в положение многочисленного слоя рантье. Роль рантье в событиях 1789-1790 гг. общеизвестна. Неудивительно, что вопрос о консолидации пожизненной ренты, источника буржуазного существования десятков тысяч граждан, чьи интересы были связаны со спекуляцией банкиров и биржи (фактически не исчезнувшей), стал первостепенной политической проблемой. Камбон в своем основном докладе по этому вопросу еще 2 жерминаля (как мы видим, постановка этих вопросов относится к периоду ликвидации фракций) заявил: «Под пожизненной рентой следует понимать те ренты, которые погашаются полностью по смерти тех, кто является их держателями. Таким образом, они могут быть приравнены к ежегодной годовой ренте, которая составляется из двух различных частей: первая - это доход с капитала, вложенного в заем; вторая - часть капитала, которую лицо, получившее заем, возвращает ежегодно рантье». На 1 января 1793 г. общая сумма ренты приблизительно исчислялась в 100 млн. (из 10%). В общую сумму включены и займы городов, корпораций и т. д. Смысл проводимого мероприятия Камбона раскрывается еще и в следующем его положении: «истинная ценность пожизненной ренты есть средняя, вытекающая из равного распределения оставшихся капиталов между оставшимися в живых участниками займа».

Неккер не считался с возрастом владельца ренты, это открывало широкие возможности для спекуляции благодаря закону, покровительствующему продаже и перепродаже рентных обязательств. Финансовые компании рекрутировали в Швейцарии молодых и здоровых девушек, превращая их в номинальных владельцев ренты, что было выгодно заимодавцам, но тягостно для государства. Эти рантье «оказали помощь революции в 1789 г. - так как они надеялись, что она окажется выгодной их финансовым операциям; этими же маневрами они хотели поддержать монархию и противились революции 10 августа, они создали опасную коалицию, которая была разоблачена 31 мая». Камбон дает нам, таким образом, прекрасное объяснение роли рантье в наиболее важных событиях 1789-1793 гг.

Итак, необходимо прежде всего уничтожить спекуляцию рентой, предмет деятельности учетной конторы, где сделки на ренту совершались из 3,5-4%. Государство обеспечивало даже в старое время этим финансистам известный процент прибыли, облегчая им их проделки. Мы не будем передавать здесь всех ложных вычислений Камбона, всех его указаний на потери государства благодаря комбинациям финансовых компаний. Для него государство - жертва рантье... Собственно по законам революционного времени можно было заявить кредиторам-ростовщикам государства: «Я оставляю себе тот незаконный излишек, который вы получили». «Но мы, - спешит заверить собственников Камбон, - освободившись таким

образом от пожизненного долга, совершили бы несправедливость, поскольку рантье подвергался страху смерти и не получил бы никакой выгоды для себя...» Камбон ищет компромисса с ними, он устанавливает «справедливую прибыль» и гарантирует ее реализацию. Докладчик предлагает Конвенту декретировать уплату всех недоимок по постоянной ренте до 1 жерминаля, согласно указанным выше принципам; соответствующие документы рантье должны представить к вандемьеру II г. Предлагаемая декретом операция - сведение всей пестрой массы процентов по различным видам постоянных рент к 5%-ной таксе - приведет, по мнению Камбона к сохранению за рантье в возрасте 52 лет и старше их действительной ренты без изменения; лица от 40 до 50 лет потерпят некоторое уменьшение ренты; народная справедливость намного уменьшит прибыль, которую лица, помещавшие капиталы на юношей, злоупотреблявшие глупостью правительства, ожидают от своих спекуляций. Минимум определяется для лиц до 70-го возраста в размере 1 500 ливров, а для лиц в 90 лет и старше в 10 тыс. ливров.

Пожизненная рента по проекту Камбона превращается «в непрерывно-доходную, доставляя гражданам возможность располагать капиталом, который во времена монархии был отчужден». И все это конечно во имя добродетели, во имя передачи отцами семейств капитала в руки наследников. Словом, прикрываясь эгалитарными фразами, Камбон предлагает нам операцию, смысл которой в мобилизации капиталов. Любопытно в этой связи, что тотчас за филиппиками о спекуляции рентой Камбон заявил: «Мы хотели бы различить ренты, принадлежащие спекулянтам, от ренты честных граждан с тем, чтобы предложить вам особый пункт, обязывающий к возмещению убытков государству, но в общих законах исключения всегда ведут к произволу... Это заставило нас оставить этот проект, который мы хотели вам представить относительно особого постановления для спекулянтов, так как определение этого слова в законе очень затруднительно». Совершенно очевидно, что подобная оговорка ослабляет пункт декрета о запрещении продажи и переуступки рентных обязательств тем, что они должны быть заключены на одно лицо и не могут быть переданы по наследству. «Уничтожив право возврата или наследования, - продолжал Камбон, - мы занялись раскладкой капитала, получаемого от ликвидации ренты между всеми участниками». Но это было лишь пустой декларацией поскольку закон не гарантировал реальных мёр по борьбе со спекуляцией; проклятия спекулянтам прикрывали, как мы это отмечали выше, стремление законодателя облегчить мобилизацию движимого капитала. Это объясняют нам и дальнейшие мероприятия, облегчающие раздел между совладельцами ренты. «Перераспределение ценностей, совершенно естественное и справедливое во все времена, давая лицам, ожидающим своего права пользования рентой, действительную наличную ценность, полезно в революционное время, так как оно разделяет капитал, увеличивает число нынешних кредиторов, предоставляет некоторым лицам собственность, которую они еще не имели». Какова цена этих «эгалитарных» принципов? Быть может та же, что и у Робеспьера? Послушаем Камбона: «Это распределение ценностей откроет новый источник для развития этими гражданами промышленности; она даст республике доход от передаточных операций, установит большую конкуренцию при покупке национальных владений и увеличит ценность долговых обязательств, на которые эти новые владельцы сумеют записаться». Таков классовый смысл предложений Камбона. Камбон при консолидации пожизненной ренты и записи ее в Большую Книгу Долга аргументировал от имени «государственных интересов». «Операция, которую мы предлагаем вам, должна доставить государству облегчение его долга и 240 млн. ливров на капитал пожизненной ренты, уничтожение королевских обязательств и превращение их в республиканские; уничтожение бумаг и грамот старого режима создает легкость выплаты пожизненной ренты во всех главных пунктах дистриктов, дает вам глубокое знание состояний каждого рантье, централизацию кредитных операций республики, облегчает возможность составить прекрасный кадастр этих ценных бумаг и уверенность в успешность их обложения сельскохозяйственным налогом... И дальше: (I) «...наш проект основан на справедливости, он лишь стремится уничтожить ростовщические доходы...», (II) «...мы отдаем сельскому хозяйству и торговле капиталы; их можно было бы с большой пользой употребить также на приобретение национальных имуществ». Нам становится понятным теперь, почему Робеспьер так решительно возражал против проектов Камбона.

Спустя несколько недель - 24 прериаля - в Конвенте от имени Комитета общественного спасения с новой защитой декрета выступил Барер. Он хочет убедить нас, что декрет наносит удар прежде всего богачам. Комитет финансов «занимался изысканием средств, способных лучше всего защитить интересы стариков и малоимущих...» Но комитет не мог успокоить «все улы». Кто больше всего затронут вопросом о пожизненной ренте? Зажиточные граждане; богачи - смутьяны. Среди рантье следует различать богатых и малоимущих, честных граждан, мечтающих о спокойной старости, и эгоистов, «добросовестных спекулянтов», поместивших свой капитал на известных лиц, от крупных спекулянтов и банкиров, занятых перепродажей рентных обязательств. И если первые достойны защиты, то вторые подлежат наказанию по всем строгостям закона. Смуту порождают богачи, не желающие ни оставить свои претензии и отказаться от обязательств старого режима, ни приобретать национальные имущества; они действуют не сами, а через народ, они «беспокоят кредиторов - владельцев мелких пожизненных рент». Несомненно, что недовольство исходило от последних, чем ловко пользовались богатые рантье, что протест мелких рантье во всяком случае не был результатом одной провокации и преступной агитации богатых спекулянтов.

Барер предложил Конвенту повысить установленный минимум для лиц до 30-летнего возраста на 500 ливров (до 2 тыс.), помочь малоимущим рантье, чьи деньги вложены были в займы знатных лиц; еще более настойчиво, чем Камбон, он настаивал на разделе ренты между членами семьи, на усилении мер по борьбе со спекулянтами рентой и даже покрытии убытков малоимущих, пострадавших от этих операций. Но и Барер уделяет подобным образом внимание вопросу об использовании свободных средств как стимула для распродажи национальных земель. Но если Камбон - и в этом смысл его проектов - настаивал на наиболее выгодной для финансов государства распродаже земли крупными участками, то и Барер расходился в этом вопросе с Робеспьером. Барер утверждает, что еще до сих пор не уничтожен ряд препятствий, дающих возможность малоимущим гражданам обменять долговые обязательства на национальные имущества. «Мы предлагаем декретировать, что государственные долговые обязательства, полученные взамен долга от пожизненной ренты, будут выданы до 1 плювиоза III г. и будут приниматься в уплату национальных владений до указанной даты, исчисляя по 20 раз на общую вложенную сумму». Так законодатель стремится успокоить мелких рантье, вселяя им надежду на превращение их в землевладельцев. Но осуществлению этого идеального плана мешает банк, нотариат, биржевые маклеры. Банк, которому декретом о пожизненной ренте нанесен смертельный удар, чрезвычайно обеспокоен... «Если бы все национальные собрания революции слушались финансистов, они не осуществили бы ни одного полезного мероприятия, - замечает Барер. - Наилучшим образом можно было бы ударить по ним, превратив граждан, на имя которых спекулянты вложили свои капиталы в пожизненную ренту, во владельцев этих рент...» Мы на этом прекратим обсуждение декрета о пожизненной ренте в трактовке Барера: отличие его положений от доклада Камбона очевидно. Барер - этот термидорианец из рядов «болота» - готов пойти дальше Камбона в преследовании ажиотажа; он готов отказаться от стимулирования распродажи национальных имуществ среди богачей хотя бы потому, что их эгоизм осуждает на неудачу подобную попытку, но он заменяется другим мероприятием, принципиально сходным: законодатель поощряет распродажу земель среди мелких рантье и их превращение в буржуазно-землевладельцев.

Мог ли декрет о пожизненной ренте в том виде, как его преподнес республике Барер 24-го прериала, рассчитывать на успех? 8-го мессидора докладчик Комитета общественного спасения снова обращается к Комитету за помощью. Неудачи преследуют декрет. Чтобы помочь его осуществлению, следует отменить пункт XIII декрета о записи ренты в Большую Книгу Государственного Долга. Собственно это было крахом всего проекта Камбона. Он потерпел поражение, потому что его врагами выступили буржуа («богачи»), с одной, и мелкие рантье («малоимущие»); с другой стороны. Нет, не таким путем мечтал Робеспьер осуществить свой идеал нового общества, где будет царствовать «справедливая и равная собственность». Проект потрясает финансы государства и вносит отчаяние в ряды малоимущих, потому что их осуществление находится в руках «бриссотинцев» и друзей Шабо и Фабра. Финансисты своей операцией хотят отнять у народа национальные земли. Здесь основы и решающее расхождение утверждений Робеспьера с проектами Камбона и Барера. Но в теоретических рассуждениях Робеспьера пропасть противоречий: мелкие рантье тесно связаны с деятельностью крупных финансовых компаний. Защита первых означает ли сохранение последних? Конечно нет! Значит поменьше потрясений? Камбон и Барер выступают в роли социальных реформаторов, а Робеспьер охраняет status quo? У нас нет достаточных данных, чтобы выяснить, что конкретно противопоставил проектам Камбона Робеспьер, но одно ясно: путь, по которому предполагал пойти Неподкупный, был намечен декретами вентоза и флореаля, но не финансовыми проектами жерминаля. Это не был путь буржуазно-финансовых комбинаций Камбона и Барера, но путь «Фрагментов» Сен-Жюста: государство, законодательствующее в пользу бедняков в рамках буржуазного общества.

Мы выполнили тем самым основную задачу своего доклада: выявить основные противоречия социально-экономической политики Конвента накануне 9-го термидора. Но это отнюдь не являются ответом на поставленный вопрос о 9-м термидоре. Нам предстоит теперь сложнейшая задача - разобраться в борьбе групп фракций и факций во всем том переплете политических событий, который во всей своей конкретности и определил исход борьбы. Мы вынуждены будем ограничиться однако немногим из-за недостатка времени. И прежде всего мы хотели бы установить состав тех двух коалиций, которые уже с вентоза II г. вступили в решительную борьбу друг и другом. «Термидорианцы» насчитывали в своих рядах следующие группы: 1) буржуазная фракция, опиравшаяся на капиталистические классы Франции; на их стороне была часть «болота», охвостье Жиронды и дантонисты; 2) мелкобуржуазная фракция: а) террористы, б) республиканцы-демократы, в) в секциях остатки эбертистов; 3) социальная оппозиция: а) остатки бешеных, б) часть коммунистов-аграрников. Мы оставляем в стороне примазавшихся, всех тех, кто экономически и политически спекулировал на революции, этих Талльенов, Фреронов, Фуше и т.д., и т.п. Любопытно, что и робеспьеристы на своей стороне имели немало сторонников из среды тех же социальных групп. Это осложняет наш анализ, но не может скрыть от нас основных классовых сил, руководящих наитиями. Правое крыло термидорианцев по словам Барраса (см. его мемуары) имело основное ядро в девять-десять человек (Баррас, Куртуа, Мерлен-де-Тионвиль, Лежандр, Бурдон из Уазы, Л.Бурдон, Талльен, Фуше, Фрерон да еще Лекуантр). Правые вступили в переговоры с представителями «болота» - Буасси-Англа и Дюран-де-Майан (см. его мемуары); первые убеждали последних, что победа Робеспьера не может быть длительной, что они понесут ответственность за его преступления. 9-го термидора до начала заседания Бурдон из Уазы с умилением приветствовал Дюрана, «честных людей» правой фракции. Их блок был прочным и длительным, и попытка Робеспьера найти в «честных и добродетельных людях центра» поддержку заранее была осуждена на неудачу. В правом крыле наиболее активными были дантонисты. Это наилучшим образом доказывают мемуары Левассера из Сарты. Это они поддержали возглас Гаранье-де-Сента на заседании 9-го термидора: «Его душит кровь Дантона», дополненный возгласом Фрерона: «Ни шагу вперед, здесь сидели Кондорсе и Вернье». От их общего имени Лекуантр в III г. обвинял революционное правительство в том, что оно уничтожило «банкиров, негоциантов, так называемых богатых граждан, крупных землевладельцев...»

Мелкобуржуазная фракция была также сложным по своему составу конгломератом. Террористы - Каррье и др. - выполнили свою задачу в революции, они не понимали тех положительных задач, осуществление которых было намечено социальной программой робеспьеристов, они были врагами их системы, восстанавливающей порядок в стране. «Террористы» мало понимали в политике, они говорили о модернизме Максимилиана, они ненавидели Огюстена, который еще в жерминале II г. заявлял: «Я сделал обожаемой революцию, заставил уважать и любить народное представительство». Какая странная идея: осуществить новый социальный порядок с помощью милосердия! Это и возмущало другую часть этой группы - Билло-Варенна, Колло, Вадье и т.д. Их взгляды сложнее первой группы, но и они не доросли до социальной системы Робеспьера и Сен-Жюста. Билло-Варенн позже в своих мемуарах неоднократно подчеркивал это преимущество Робеспьера, чья диктаторская власть соответствовала безраздельному господству его «высоко принципиальных» идей. Об этом говорит и сторонник той же группы слева Левассер в своих мемуарах, развивая ту общераспространенную мысль, что «только в партии Робеспьера единственно можно было найти доктрины, связную систему и организаторские положения»; это повторяет и союзник Билло-Варенна справа - Барер, обвиняющий Робеспьера в своих мемуарах в «фанатизме принципов». Любопытнейший пример с возмущением приводит последний для иллюстрации своей мысли: «Это Робеспьер сказал однажды в якобинском клубе: «да погибнут лучше колонии, чем принципы человечности, которые требуют освобождения от рабства черных. Мелкобуржуазная фракция термидорианской коалиции не противопоставляла системе взглядов Робеспьера и Сен-Жюста своей системе, она ограничивалась лишь политическими лозунгами. Интересно, что Билло-Варенн оправдывался перед Конвентом в III г., доказывая, что ему принадлежит в предшествующие годы честь борьбы с теми, кто демократической конституции противопоставлял требования «экономических законов»; это он боролся с продовольственными беспорядками в июне 1793 г.

Стремление к диктатуре - таково основное обвинение, которое они инкриминируют «триумvirату». Проанализируйте «Les ?lements du republicanisme» Билло и вы увидите, что мы имеем в нем родоначальника той школы якобинцев XIX в., которые вели борьбу со всеми, кто тяготел к социальным лозунгам, к социализму. Билло ценит идеал эгалитарной республики, где накоплению богатств будет поставлен предел, где «собственники равны»; он даже готов согласиться, что «было бы бесспорно лучше, если бы нация могла быть исключительно аграрной», - в этих условиях можно было бы гарантировать всем гражданам равенство. Но города и индустрия победили, разрушить их теперь - преступление, и нужно отказаться от всяческих аграрных фантазий... Будем ли мы удивляться, что 9-го термидора, когда в своей речи Сен-Жюст вспомнил «les institutions», которым он посвятил свои «фрагменты», он встретил решительный отпор Билло.

Мелкобуржуазная фракция термидорианцев играла в это время наиболее шумливую роль, но господами положения были не они, а те, кто имел определенную социально-экономическую программу и не ссылался только на «диктатуру» и «насилие», - жупелы, которыми прикрывалась вся термидорианская коалиция. Как горько сожалели эти демократы-якобинцы впоследствии, что они свергли Робеспьера! Билло писал в своих мемуарах: «Мы сильно ошиблись в тот день... Я вижу реакцию, которая родилась из 9-го термидора...». Да, но и Робеспьер опирался на часть городской и деревенской мелкой буржуазии. В этой дифференциации основной силы революции, опоры якобинизма, в расхождении мелкой буржуазии - результат капиталистического перерождения Франции в годы революции: робеспьеристская мелкая буржуазия беспомощно наблюдает усиление мощи богатых классов и противопоставляет им свою утопическую программу новых преобразований; другая часть, идущая за «левыми» термидорианцами, служит делу буржуазных классов и помогает свергнуть Робеспьера.

«Социальная оппозиция» так же бесформенна, как и мелкобуржуазная фракция. Остатки «бешеных» в секциях предместий ненавидят Робеспьера и его политику. Строгое проведение закона о максимуме зарплаты вызывает и усиливает забастовочное движение среди рабочих, и это дает возможность не только бешеным, но и Бурдону развивать активную деятельность в секциях, где дантонисты готовы заменить прежних вождей. Элементы противоробеспьеристской оппозиции не образовали новой партии, они или следуют в своей ненависти к террору за всеми теми, кто готовит свержение «тиранов» справа, или занимают место рядах новых «бешеных», будущих бабуистов.

Как оценивал Г.Бабеф события 9 термидора? Для Бабефа 9 термидора было днем революции, чья задача состояла в том, чтобы приступить к осуществлению аграрного закона мирным путем, свято охраняя принципы национального суверенитета. Обратимся к памфлету «Le syst?me de la d?population ou la vie et le crime du Carrier» [«Жизнь и преступления Каррье»]. «Я заявляю, - пишет Бабеф в этом памфлете, - что не намерен осуждать часть политического плана Робеспьера, которая относится к взиманию пособий с богатых в пользу детей и родственников защитников отечества... Я говорю (хотя бы это мнение показалось похожим на систему Робеспьера), что земля должна обеспечивать существование всех членов государства. Все должны иметь достаточно и никто не должен иметь слишком много...» Но Робеспьер хочет осуществить этот идеал в ходе гражданской войны и с помощью революционной диктатуры, а это неприемлемо для Бабефа, и он выступает против него и говорит даже о его плане «обезлюдения» Франции. Только в последующее время, - правда, весьма быстро, - Бабеф усвоил исторически бессмертное в якобинизме понятие о революционной диктатуре, и тогда он понял ошибку своей оценки 9-го термидора.

Но и на стороне Робеспьера была часть социальной оппозиции, все те из его сторонников, о которых Бабеф говорит как об «аграрианцах», а точнее было бы назвать последовательными врагами «меркантильной аристократии». Напомню только письмо Лебона Робеспьеру от 9-го прериала: он предлагает объявить войну всем состоятельным гражданам как подозрительным. Но более существенным документом в данном случае являются мемуары Буонаротти. «Тирания Робеспьера, - утверждает Буонаротти, - ни что иное, как власть его мудрых советов, влияние его добродетели... Он был тираном злых...» Робеспьер пал от руки атеистов и продажных душ. Буонаротти настойчиво доказывает, что атеизм был идеологией буржуазии против морали и религии Робеспьера, этой надежды бедняков. М.Робеспьер по его мнению, законный предшественник коммунизма... Неудивительно, конечно, что «коммунисты» имели ничтожное значение в рядах робеспьеристской коалиции. Таков, в самых кратких чертах, характер многочисленных групп тех двух коалиций, которые вели с другом борьбу до 9-го термидора. На одной стороне естественным центром является буржуазная программа, на другой идеологи мелкой буржуазии группируются вокруг утопии эгалитаризма, намеченной к осуществлению Робеспьером и Сен-Жюстом.

Мечтал ли Робеспьер о новом восстании народных масс, новом «31 мая», что утверждали термидорианцы, или речь шла о «парламентском перевороте», о новой чистке Конвента? В заседании 9-го термидора Колло бросил робеспьеристам прямое обвинение в инсurreкции, это неоднократно повторял и Барер. По его словам, они готовили восстание с прериала, и Бареру было поручено помешать нарастающему революционному движению, не допустить собрания членов революционных комитетов 48 секций. Но Робеспьеру была чужда эта мысль, он не желал нового восстания. Любопытно, что Барер указывает в своих мемуарах на революционную армию как на орудие грядущего переворота и на общественные трапезы как на предварительные скопища инсургентов. Мы знаем уже, насколько это противоречит истине. Нет, Робеспьер не желал дальнейшей гражданской войны! Недаром Бюиссар и Лебон обвиняли его в это время в пассивности. Преклонение перед «народным суверенитетом» - такова основная мысль, руководившая Робеспьером все годы его деятельности. 3 мессидора в якобинском клубе Неподкупный разоблачает планы контрреволюции, чья задача «отделить народ от Конвента и Конвент от комитетов»; 21-го он указывает на то, что хотят террором убить единство в Конvente. Робеспьер ведет борьбу лишь с факциями интриганов. Это не только тактический прием. Вы сможете в этом убедиться, если внимательно прочтете его последние речи. «Разве я смог бы предложить принять какую-либо меру, направленную против национального правительства?.. Я только прошу, чтобы люди с добрыми намерениями объединились, чтобы честные представители народа отделились от 5-6 смутьянов...» Эту мысль он снова и снова повторяет, на ней он настаивает 8-го и 9-го термидора. Он ведет борьбу против главарей дантонистского и эберистского охвостья во имя революционной власти. Отклоняя обвинения в попытке установить личную диктатуру, Робеспьер настаивает на централизации правительства: «Без революционного правительства республика не может укрепиться, и различные клики задушат ее при самом возникновении; но если это правительство попадет в преступные руки, то оно само станет орудием контрреволюции» (речь 8-го термидора в якобинском клубе). Для чистки Конвента Марат ударил 31-го мая 1793 г. в набат, якобинцы заключили предварительное соглашение с «бешеными», - вспомним только продовольственные беспорядки февраля - мая 1793 г., а в флореале - мессидоре 1794 г. Пейян в Коммуне, Робеспьер в Конvente, Огюстен в миссии, подписывая декреты против рабочих стачек и продовольственных беспорядков, рекомендовали народу «плодотворное молчание». Итак, укрепление революционной власти, т.е. установление диктатуры парламентским путем, чисткой комитетов и Конвента, без вмешательства улицы, без гражданской войны - такова программа Робеспьера.

К выполнению своей задачи Робеспьер подходил осторожно. 16 жерминаля Огюстен сообщает Максимилиану по его просьбе список патриотов, которых он встречал на своем пути. Их немного, - честные люди прячутся, а патриотами слывут те, кто революционным авторитетом покрывает произвол. Среди этих патриотов Бонапарт... Список патриотов, как мы знаем, был также найден и в бумагах Робеспьера, приложенных к докладу Куртуа. Но это было только одно из мероприятий по подбору своих людей.

К этому времени относится и история борьбы комитетов. Мы вынуждены обойти молчанием этот огромный важности вопрос. Последняя работа ученика Матьеза, Ординга, убедительно доказала, что нелепо сводить большой вопрос по поводу спора комитетов к старой легенде о «личной» политике Робеспьера и его Бюро полиции при КОС. Различные социально-политические группы вели борьбу за власть. Робеспьер хотел добиться радикальной чистки местной администрации от врагов народа и замены их патриотами. Не в этом ли был смысл закона об окончательном изгнании благородных из столицы, закон, который очень долго обсуждался в Конvente? Барер с возмущением в своих мемуарах рассказывает о том, что Сен-Жюст в Комитете Общественного спасения предлагал установить обязательную для дворян трудовую повинность по исправлению дорог, как будто можно «не политическими, а социальными мероприятиями уничтожить влияние тех, кто господствует над народом своими знаниями и благодаря своему воспитанию». С той же целью, для централизации революционной власти в руках робеспьеристов последние в якобинском клубе требовали упразднения секционных и народных обществ в городах и деревнях, нередко встречая сопротивление якобинцев вроде Лежандра. В интересах осуществления той же программы решено было начать чистку корпуса народных представителей в департаментах и армиях. Так, предполагали окружить Конвент и Комитет общественного спасения кольцом патриотов и, удалив из их рядов безболезненно смутьянов, приступить к осуществлению социальной программы. Сен-Жюсту и некоторым членам Комитета общественного спасения отнюдь не была чужда идея соглашения, об этом свидетельствует ряд фактов. Я сошлюсь на обращение Комитета к Сен-Жюсту от 6 прериала: «Свободе угрожают новые опасности - интриги времен Эбера в сочетании с попытками нападения на отдельных членов Комитета ставят страну перед новой опасностью аристократического восстания, - не может ли Сен-Жюст явиться в Париж?» 4-5 термидора на заседании КОС эта политика была возобновлена, но это была последняя и неудачная попытка примирения.

В прериале борьба вокруг декретов о культе Верховного существа и новой организации революционного трибунала во весь рост снова поставила вопрос о власти. Что Робеспьер не выступал в данном случае в роли первосвященника, это очевидно. Культ Верховного существа может быть понят лишь в свете его эгалитарных проектов и как одно из решающих средств идеологического влияния на массы. В этом социальном и политическом назначении декрета, его историческое значение. Доклад 18-го флореаля блестяще доказывает это положение. «Истина, - заявил докладчик, - провозглашена в дни побед. До сих пор свобода и добродетель не имеют даже клочка земли, где бы они царствовали, ибо все изменилось в физическом мире и все должно изменяться и в духовном мире». Революция совершена до сих пор лишь наполовину... Новая «религия» направлена против идеологов буржуазии и против анархистов, против аграрников-коммунистов. Бриссо вооружал богатых против бедных, Эбер целовал бедняка, чтобы удушить его, Дантон воплощал в себе все преступления, он гремел против аристократов и вместе со спекулянтами делил добро народа. Идея культа Верховного существа - это постоянный призыв к равенству... Мы понимаем теперь, почему против этого декрета в прериале направлена была вся ненависть «термидорианцев», и левых и правых. Речь шла не об абстрактных вопросах морали и религии, но о конкретной социальной и политической программе. И не характерно ли, что Робеспьер выдвинул идею Верховного существа, как сдерживающую силу социального протеста и одновременно как завершение всей своей программы?

Как одно из могучих средств осуществления эгалитарной программы мы должны рассматривать и закон 22-го прериала. Очевидно, что закон служил прямым целям робеспьеристов. Это правые в Конвенте прекрасно понимали, они прекрасно понимали, что он угрожает прежде всего им, и в свою очередь терроризировали гильотиной «болото». Но «левые» не имели формально основания возражать против декрета. Попытки Билло-Варенна, Коло и др. в III г. сложить с себя ответственность за закон 22-го прериала неубедительны. Они начали бороться с декретом только тогда, когда чувствовали, что примирение невыносимо. Последнее было уже бесспорно в прериале, когда наряду с указанными выше декретами развернулась борьба вокруг вопроса о консолидации пожизненной ренты.

9-го мессидора Пейян обратился с письмом к Робеспьеру с предложением начать активные наступательные действия, немедленно выступить в Конвенте против фракции Бурдона, добиться централизации власти и установления морального порядка... Но Робеспьер медлил. Он произносил угрожающие речи в якобинском клубе, он и Кутон намечали список смутьянов. Они «окружили» комитеты и Конвент, чтобы совершить переворот. Уход Робеспьера из Комитета общественного спасения не был самоустранением с арены политической борьбы подобно тому, как и в июне 1793 г. уход Марата не означал его самоустранения. Нет, это решение должно было развязать руки и помочь Робеспьеру ориентироваться в расположении сил. Вторая половина мессидора была заполнена напряженнейшей борьбой, невидимой для окружающих. Так наступил термидор, и запоздалые попытки примирения в комитете 4-5-го термидора не могли остановить трагической развязки событий.

Десятки и сотни раз историки читали и толковали записи заседаний 7-9-го термидора. Мы снова прочтем их уже на основании нашего анализа событий истории Конвента с вентоза II г. 7-го термидора с большой речью в Конвенте от имени Комитета общественного спасения выступил Барер. Нам кажется, что до сих пор недооценили значения этой речи, - она была политической декларацией, которая должна была объединить левых, правых, и буржуазное болото для борьбы с робеспьеристами. Барер начал с указания на то, что агенты Эбера агитируют повсюду и готовят новое «31-е мая». «Максимы эбертистов циркулируют повсюду, - угрожал он буржуазной части собрания, - две значительные эпохи должны быть отмечены в политической жизни Конвента: с 21 сентября до 31 мая 1793 г. и с 3 июня до настоящего момента. В настоящее время происходит то, что было в конце первой эпохи»... «Но времена изменились, теперь нет необходимости оживлять тени Эбера и Шометта. Нищета уничтожена, Англия и ее торговый флот и торговое могущество сломлены, голод исчез, промышленные заведения функционируют, рабочие обеспечены трудом... жаловаться не на что, и новая революция не нужна». Эта санкюлотиды была обращена к Франции, и ее политическое значение очевидно. Что могло изменить заседание 8-го и 9-го термидора? Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон недооценили слабости своих сил, они пали жертвой парламентских иллюзий, тесно связанных со всей своей мелкобуржуазной утопической системой. И в то время как Камбон, Талльен, Бурдон Мерлен, Баррас и др. действовали активно, наступательно, декларировали свои принципы, «Триумvirат» медлил с развязкой борьбы. Кутон, Робеспьер продолжали настаивать на том, что они ведут борьбу с отдельными фракциями и не формулировали открыто своей программы, не звали к восстанию. Это обезоружило их перед группой Билло, Вадье, Колло. В самом деле, на чем настаивал последний? Они заявляли о том, что Робеспьер не желал соглашения с ними, что он нашел в Конвенте лишь 20 достойных патриотов, что он один несет ответственность за закон 22-го прериала, что, наконец, он защищал в свое время Дантона. А жертв: не называли виновных, они все надеялись на победу бескровную, на парламентскую победу. И тогда-то со всех сторон заговорив трусы: «Назовите тех, кого вы обвиняете». Правым с помощью «левых» удалась эта игра, депутаты «болота» увидели в них своих спасителей. Тем более что Талльен потребовал активных мер - ареста «трех». Барер прочел тогда воззвание к народу, в котором обвинял побежденных в попытке вызвать народное движение. Но это было явной ложью. Собственно, инициатива была в руках термидорианцев, и Бурдон из Уазы призывал к братанию с народом, а Колло вызывал тень Марата и Шалье, которых Робеспьер, по его мнению, ненавидел. Но вопрос решался в секциях. Санкюлоты Парижа должны были показать, оправдаются ли слова воззвания победителей термидорианцев: «31-го мая народ сделал свою революцию; 9-го термидора Национальный конвент совершил свою революцию. Свобода аплодировала и той и другой». Трагедия Робеспьера была в том, что он всецело разделял в этом случае взгляды большинства Конвента: и для него события 9-го термидора не должны были выйти за рамки парламентской борьбы.

Волнующий интерес представляет для историка [анализ событий 9 и ночи на 10-е термидора в секциях](#). Но после пожара 1871 г. решение вопроса представляет собой сложную, почти неразрешимую задачу. Как ни расходятся историки в оценке поведения той или другой секции, как ни отличаются друг от друга их подсчеты количества секций, высказывавшихся за Коммуну или Конвент, одно очевидно: робеспьеристы не подготавливали массы к борьбе, не разъясняли им значения наступающих событий. Наиболее характерным в этом отношении является ответ [Сент-Антуанского предместья](#): оно просит Коммуну объяснить им, в чем дело, для того чтобы не попасть в западню врагам, и разъяснить им, кого они должны считать своими врагами; другой пример: секция Обсерватории, заслушав сообщение об аресте граждан, которых она до сих пор привыкла считать преданными патриотами... решила отложить заседание до утра... В Коммуну являлось немало делегаций от секций, но лишь для информации. А в секциях - не забудем это - термидорианцы имели неплохих агитаторов. Особенно активен был Леонард Бурдон, который в секции Марата вспоминал, что Робеспьер был против перенесения праха Друга Народа в Пантеон; в секции гравильеров [[Секция Гравилье](#)] он напоминал санкюлотам, что робеспьеристы - палачи их вождей, Его агитация пользовалась в секции гравильеров успехом, особенно после того как незадолго до 9-го термидора оставлена была без внимания их петиция об амнистии многих граждан, подозреваемых в эбертизме.

Но немало активных сторонников было и на стороне Коммуны. Не следует думать, что с 9 на 10-е термидора робеспьеристы в секциях и Коммуне были столь же пассивны, как и их вожди в Конвенте. Нет, они проявили здесь запоздалую активность и, наконец, попытались поднять знамя инсurreкции. К 6-7 часам вечера восстали все секции вокруг Гревской площади и ратуши, революционный мир Парижа заявил: «Граждане, здесь (в Коммуне) было спасено отечество 10 августа и 31 мая. Теперь оно более чем когда-либо в опасности, здесь оно еще раз будет спасено». Робеспьеристы, правда, поздно, проявили лихорадочную активность. В своих воззваниях они объявили об аресте главарей Конвента, «во имя охраны его самого». «Генеральный совет Коммуны объявляет восстание против угнетателей народа, - читаем мы в афише, - которые желают уничтожить его защитников; революционная Коммуна приказывает во имя спасения народа всем гражданам не признавать никакой другой власти кроме власти Коммуны, арестовывать всех, кто злоупотреблял званием (народных представителей, кто издает изменнические прокламации и объявляет вне закона защитников народа». Да, его было нарушением всей прошлой парламентской тактики. Но было поздно, время упущено, и не помогло далее избрание исполнительного комитета для руководства восстанием. И если даже согласиться с убедительными доводами Матьеза, что в эти часы Робеспьер был активен, бесспорным остается тот факт, что нерешительность «Триумvirата» в Конвенте, отсутствие всякой предварительной подготовки сопротивления в секциях, медлительность Коммуны в первые часы кризиса решили дело. Эта парламентская тактика, а не ливень и не объявление Робеспьера вне закона, разогнала санкюлотов, которые живо обсуждали на улицах события и ожидали распоряжений. Нет сомнения, что судьбу дня решил также отказ Анрио последовать совету Коффиналя ввести вооруженную силу в помещение Конвента. Мобилизованные санкюлоты размышляли, а армия Барраса действовала. Мы не будем удивляться, если вспомним, что в состав Генерального совета Коммуны входили торговцы, мелкие лавочники, несколько адвокатов, журналисты, врачи, мелкие рантье и опирались они, по существу говоря, на малочисленные группы преданных патриотов в секциях. Это была малоустойчивая социальная смесь, чей центр - робеспьеристы - был носителем мелкобуржуазной утопии эгалитарного государства. Правда, на другой стороне был тоже пестрый социальный блок, но и нем чувствовалась сильная рука буржуазии, которая боялась, чтобы «царство санкюлотов» не превратилось в царство «des gens sanchemises». Буржуа стояли во главе термидорианской армии; роялисты и жирондисты были руководителями отдельных отрядов ее. Прав, трагически прав был Робеспьер, когда 9 термидора в ответ Фреерону, провозгласившему победу свободы, воскликнул: «Oui, car les brigands triomphent» [«Да, разбойники торжествуют»]. Да, 9 термидора победила буржуазия. С точки зрения народных масс это было торжеством контрреволюции.

Мой доклад должен был лишний раз убедить вас в глубоком научном значении марксовых положений о том, что робеспьеристы, вожди революционной диктатуры II г., которые до весны 1794 г. боролись за интересы буржуазии, хотя и не буржуазным способом, и выполнили тем самым огромной важности историческую задачу, - погибли тогда, когда они попытались осуществить свою мелкобуржуазную утопию эгалитарного общества, общества «равных товаропроизводителей». «Пролетариат и фракции общества, не принадлежавшие к буржуазии, или не имели еще интересов, не совпадавших с интересами буржуазии, или не образовали еще никаких развившихся классов или частей классов», - почему капиталистической программе термидорианцев была противопоставлена лишь утопия Робеспьера и Сен-Жюста. Только в бабувизме мы имеем преодоление этих взглядов. С нашей точки зрения поэтому не 9 термидора, а день казни Бабефа является завершением Великой революции конца XVIII в. Но признать это - значит решительно отбросить всякие попытки вульгарного аналогирования: между социальными конфликтами 1794 г. и социальной революцией XX в., между столкновениями капиталистических элементов и носителями мелкобуржуазной утопии конца XVIII в. и классовой борьбой пролетариата и буржуазии наших дней лежит глубокая историческая пропасть.

² - В наши дни А.Матьез перешел в лагерь врагов пролетарской диктатуры. Подобно Олару, он готов отрицать теперь всякое сходство между революциями XVIII и XX веков. Он утверждает даже, что террор французской революции задержал развитие демократии на целое столетие.

³ - Так, в своей книжке «9 термидора» Я.Захер уверяет нас, что «балансирование Робеспьера между «левыми» и «правыми» привело постепенному внутреннему перерождению монтаньярской партии».

⁴ - Интересно, что до 9 термидора подобные взгляды защищают в Конвенте иногда не только робеспьеристы, но и некоторые группы будущих термидорианцев. Это может показаться странным, это может затушевывать борьбу основных классовых сил в Конвенте, но наша задача в том, чтобы вскрыть решающие движущие классовые силы, силы борьбы. Мы еще вернемся специально к этому вопросу.